ДОЗВ. ЦЕНЗ. СПБ. 8 ДЕКАБРЯ 1892 г

ТИП. ТОВ. „ОБЩ. ПОЛЬЗА“ В. ПОДЪЯЧ., 39

Ришелье.

ЖИЗНЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ

БІОГРАФИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА Ф. ПАВЛЕНКОВА

РИШЕЛЬЁ

ЕГО ЖИЗНЬ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

В. Л. Ранцова

Съ портретомъ Ришелье, гравированнымъ въ Лейпцигѣ Геданомъ

ЦѢНА 25 КОП.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГР. ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖД. ТОВАРИЩ. «ОБЩЕСТВ. ПОЛЬЗА», Б. ПОДЪЯЧ., 39

1893

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 29 Декабря 1892 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ВВЕДЕНІЕ 5

ГЛАВА I. Молодость Ришелье и начало его политической карьеры 8

ГЛАВА II. Первое министерство Ришелье. — Опала. — Кардинальская шапка. — Вторичное вступленіе въ Министерство 14

ГЛАВА III. Отношеніе Ришелье къ Людовику XIII и его приближеннымъ 20

ГЛАВА IV. Интриги и заговоры противъ Ришелье 30

ГЛАВА V. Внутренняя и внѣшняя политика кардинала. . . 45

ГЛАВА VI. Характеръ и частная жизнь кардинала.—Кончина кардинала.—Поруганіе его могилы.—Оцѣнка его дѣятельности 76

Пособіями при составленіи этого очерка служили:

1. *Avenel.* «Lettres, instructions diplomatiques et papiers d'État du cardinal de Richelieu».

2. *Baschet.* «Mémoire. d'Armand du Plessis de Richelieu, évéque de Luçon etc».

3. *A. Desprez.* «Richelieu et Mazarin, leur politique et leur oeuvre».

4. *L. Dussieux.* «Le cardinal de Richelieu».

5. *Geley.* «Fancan et la politique de Richelieu».

6. *A. Jay.* «Histoire du ministère du cardinal de Richelieu».

7. *B. Zeller.* «Richelieu et les ministres de Louis XIII de 1621 à 1624».

ВВЕДЕНІЕ.

Историческіе дѣятели, на долю которыхъ выпадаетъ неблагодарная задача окончательнаго сведенія счетовъ съ давно установившимися порядками, безъ сомнѣнія не могутъ надѣяться на справедливую оцѣнку со стороны современниковъ. Неудивительно поэтому, что кардиналъ Ришелье былъ при жизни и въ первое время послѣ смерти предметомъ то величайшихъ похвалъ, то самыхъ жестокихъ порицаній. Въ мемуарахъ современниковъ великаго кардинала говоритъ или желчная ненависть, или восторженное поклоненіе. Протестантскіе писатели не признаютъ въ немъ талантовъ, ни даже способностей, и умышленно закрываютъ глаза на услуги, несомнѣнно оказанныя имъ Франціи. Католикамъ Ришелье представляется въ свою очередь геніальнѣйшимъ государственнымъ дѣятелемъ, одареннымъ политической мудростью, безпримѣрной въ лѣтописяхъ исторіи. Необходимо замѣтить впрочемъ, что даже и новѣйшіе историки въ отзывахъ своихъ о Ришелье зачастую не выказываютъ надлежащаго безпристрастія. Сторонники либеральныхъ учрежденій обвиняютъ его въ томъ, что онъ не воспользовался выгодами своего положенія для установленія во Франціи конституціонныхъ порядковъ, а вмѣсто того, сломивъ феодальную аристократію, уничтожилъ единственное препятствіе, способное хоть сколько нибудь сдерживать королевскую власть въ нѣкоторыхъ границахъ. Утверждаютъ даже, будто онъ стремился къ усиленію монархической власти именно только потому, что король Людовикъ XIII былъ въ его рукахъ послушнымъ орудіемъ.

Легитимисты видятъ въ свою очередь въ Ришелье предтечу революціи. Его обвиняютъ въ томъ, что онъ, самъ того не сознавая, подготовилъ ее и такимъ образомъ обнаружилъ непростительное отсутствіе дальновидности.

Въ несравненно меньшей степени расходятся отзывы о нравственныхъ принципахъ, которыми руководствовался Ришелье какъ въ государственной дѣятельности, такъ и въ частной жизни. Даже самые восторженные поклонники великаго кардинала не рѣшаются рисовать нравственный его обликъ въ сколько нибудь привлекательномъ видѣ, враги-же изображаютъ его совершеннымъ чудовищемъ. На самомъ дѣлѣ кардиналъ Ришелье былъ съ точки зрѣнія этическаго развитія характернымъ представителемъ своего вѣка. Съ другой стороны нельзя отрицать, что онъ всегда и во всемъ ставилъ свои личные интересы на первое мѣсто. Именно только эти личные интересы заставили его разойтись съ партіей, поддерживавшей испанскую политику, преданнымъ сторонникомъ которой онъ былъ въ первое время. Возгорѣвшаяся затѣмъ борьба съ этой партіей дала Ришелье случай выказать большую силу характера и далеко недюжинныя дарованія. Необходимо замѣтить впрочемъ, что онъ не задавался въ своей государственной дѣятельности отдаленными видами, а всегда стремился къ достиженію ближайшихъ возможныхъ цѣлей. Это объясняется быть можетъ тѣмъ, что у него самого почва подъ ногами все время колебалась. Среди заботъ о внутреннихъ и внѣшнихъ государственныхъ дѣлахъ Ришелье постоянно долженъ былъ помышлять о самозащитѣ. Безхарактерность и подозрительность Людовика XIII дѣлали положеніе перваго его министра до чрезвычайности непрочнымъ. Ришелье приходилось поэтому безпрерывно держаться на сторожѣ и вести упорную борьбу съ своими явными и тайными врагами: матерью Людовика XIII—Маріей Медичи, супругой его — Анной Австрійской, братомъ короля—Гастономъ Орлеанскимъ и многочисленными ихъ приверженцами. Борьба эта велась съ обѣихъ сторонъ самымъ безпощаднымъ образомъ. Противники Ришелье не гнушались убійствомъ, такъ что жизнь его неоднократно подвергалась серьезной опасности. Неуди-

вительно, что и онъ въ свою очередь зачастую обнаруживалъ крайнюю жестокость и неразборчивость въ выборѣ средствъ.

Ришелье былъ дворяниномъ съ головы до пятъ и всецѣло раздѣлялъ презрѣніе, съ которымъ въ его время дворянство относилось къ простонародью. Если онъ сломилъ во Франціи феодальную аристократію, то единственно лишь вслѣдствіе усерднаго участія наиболѣе выдававшихся ея представителей въ интригахъ и заговорахъ противъ него лично. Кардиналъ Ришелье несомнѣнно обладалъ большой дозой вѣротерпимости, дозволявшей ему поддерживать въ Германіи протестантовъ непосредственно въ ущербъ интересамъ католической церкви. Если въ самой Франціи онъ велъ войну съ гугенотами, то руководился при этомъ чисто политическими побужденіями. Враги кардинала объясняли его вѣротерпимость полнѣйшимъ равнодушіемъ къ религіознымъ вопросамъ и можетъ быть въ данномъ случаѣ не особенно ошибались. Нельзя отрицать однако, что государственная дѣятельность Ришелье, независимо отъ руководившихъ имъ личныхъ мотивовъ, принесла громадную пользу не только Франціи, но и всей вообще Европѣ. Благодаря Ришелье рушилась гегемонія Испаніи и Австріи, угрожавшая распространить власть инквизиціи на всю западную Европу. Исторія должна поэтому признать, что кардиналъ Ришелье фактически оказалъ дѣлу цивилизаціи крупную услугу.

I.

Молодость Ришелье и начало его политической карьеры.

Арманъ Жанъ дю-Плесси, кардиналъ и герцогъ Ришелье, родился въ Парижѣ 9-го сентября 1585 года. Отецъ его Франсуа дю-Плесси принадлежалъ къ старинной дворянской фамиліи и въ награду за услуги, оказанныя королю Генриху III, былъ пожалованъ орденомъ Св. Духа, считавшимся въ то время весьма почетнымъ отличіемъ. Впослѣдствіи, при королѣ Генрихѣ IV, онъ отличался блистательной храбростью на поляхъ битвъ и состоялъ въ чинѣ капитана королевскихъ тѣлохранителей. Онъ умеръ въ 1590 году, оставивъ послѣ себя трехъ сыновей и двухъ дочерей.

Мать будущаго великаго кардинала предназначала его сперва къ военной службѣ. Тѣмъ не менѣе онъ получилъ по тогдашнимъ временамъ чрезвѣчайно хорошее образованіе, изучалъ въ Лизье риторику и философію, а затѣмъ поступилъ въ военное училище, гдѣ успѣлъ уже оказать большіе успѣхи въ фехтованіи и верховой ѣздѣ, когда домашнія обстоятельства побудили его отказаться отъ военной карьеры и перейти въ духовное званіе. Дѣло въ томъ, что люсонское епископство, бывшее за послѣднее время наслѣдственнымъ въ семьѣ дю-Плесси, неожиданно оказалось вакантнымъ. Король Генрихъ IV назначилъ епископомъ юнаго Армана, которому въ то время шелъ только двадцать второй годъ и слѣдовательно еще не исполнилось возраста, требуемаго церковными законами для посвященія въ епископскій санъ. Это не помѣ-

шало ему однако немедленно отправиться въ Римъ. Папа Павелъ V, выслушавъ рѣчь, произнесенную на латинскомъ языкѣ юнымъ дю-Плесси, рукоположилъ его въ епископы. Арманъ былъ въ это время до такой степени блѣденъ и худощавъ, что казался моложе своихъ лѣтъ. Когда онъ преклонилъ предъ папой колѣна, Павелъ V, какъ увѣряютъ, спросилъ его:

— А вы достигли уже возраста, требуемаго церковными уставами?

— Точно такъ, ваше святѣйшество, отвѣчалъ будущій кардиналъ, кладя предъ папой земной поклонъ.

По окончаніи священнаго обряда дю-Плесси палъ ницъ предъ папой и воскликнулъ:

— Ваше святѣйшество, отпустите мнѣ великій грѣхъ, я вѣдь не достигъ еще надлежащаго возраста!

Давъ юному епископу требуемое отпущеніе, папа обратился къ своимъ приближеннымъ и сказалъ:

— Изъ этого молодого человѣка выйдетъ недюжинный плутъ. Онъ далеко пойдетъ!

Можетъ быть папа предвидѣлъ тогда, что Арманъ дю-Плесси не удовлетворится епископскимъ саномъ.

Во Франціи Парижъ уже и въ семнадцатомъ столѣтіи являлся могущественнымъ притягательнымъ центромъ для искателей приключеній и честолюбцевъ. Епископы слѣдовали примѣру остальной знати и возвращались въ свои епархіи только когда навлекали чѣмъ-нибудь на себя опалу. Ришелье, пріѣхавъ въ Парижъ, въ первое время продолжалъ научныя занятія. Блистательно сдавъ экзаменъ въ Сорбоннѣ, онъ получилъ въ 1607-мъ году ученую степень доктора богословія. Король Генрихъ IV покровительствовалъ дю-Плесси, котораго называлъ своимъ епископомъ, и охотно слушалъ его проповѣди, отличавшіяся отъ поученій моднаго тогда проповѣдника, патера Андре, приличнымъ топомъ и основательнымъ знакомствомъ со Св. Писаніемъ. Дю-Плесси сознавалъ однако, что уже вслѣдствіе молодости не можетъ играть при дворѣ сколько-нибудь вліятельную роль. Къ тому-же, обладая сравнительно очень

небольшимъ состояніемъ, онъ понималъ безнадежность соперничества съ богатой аристократической молодежью, щеголявшей роскошными костюмами и экипажами. Двадцати-трехлѣтній епископъ предпочелъ поэтому вернуться въ свою епархію, причемъ занялъ для въѣзда въ Люсонъ карету, лошадей и кучера у одного изъ своихъ пріятелей, такъ какъ придавалъ большое значеніе представительности. Естественно, что онъ чрезвычайно тяготился бѣдностью, недозволявшей ему обзавестись соотвѣтственнымъ штатомъ прислуги, порядочной мебелью и экипажами.

Вступивъ въ управленіе епархіей, дю-Плесси сразу выказалъ большія административныя способности. За какія-нибудь пять лѣтъ онъ не только отстроилъ заново церкви, разрушенныя во время религіозныхъ войнъ, но и обзавелся серебряной посудой, безъ которой человѣку его сана и происхожденія неприлично было, какъ онъ полагалъ, садиться за обѣдъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ юный епископъ обдумывалъ будущую свою карьеру и вырабатывалъ обстоятельный планъ дѣйствій на случай возвращенія ко двору. Имѣя обыкновеніе письменно излагать мысли по особенно интересовавшимъ его вопросамъ, онъ составилъ тогда для себя самого подробную инструкцію, озаглавленную: «Наставленія и правила, которыми я намѣренъ руководствоваться, когда буду состоять при дворѣ.» Этотъ любопытный документъ прекрасно очерчиваетъ программу будущаго великаго кардинала.

Дю-Плесси рѣшилъ, что въ первое время будетъ являться во дворецъ ежедневно, чтобы произвести такимъ усердіемъ на короля желаемое впечатлѣніе. Потомъ можно посѣщать его величество и порѣже, напримѣръ разъ въ недѣлю. «Притомъ необходимо принять во вниманіе, что королю нравятся лишь тѣ изъ приближенныхъ, которые обращаются съ нимъ смѣло и свободно, не выходя однако изъ границъ должнаго уваженія. Надлежитъ почаще повторять королю, что только обстоятельства вынуждаютъ меня ограничиваться оказаніемъ маловажныхъ услугъ и что для вѣрноподданнаго нѣтъ ничего труднаго или невозможнаго на службѣ у такого добраго государя и такого великаго монарха... Важнѣе

всего наблюдать, откуда именно дуетъ вѣтеръ и не мозолить королю глаза, когда онъ въ дурномъ расположеніи духа». Юный епископъ, всесторонне обсуждая вопросъ, какимъ образомъ надо держаться съ королевскими любимцами и фаворитками, приходитъ къ убѣжденію, что ихъ слѣдуетъ посѣщать «въ виду необходимости приносить жертвы какъ добрымъ, такъ и злымъ богамъ: первымъ для того, чтобъ помогали, послѣднимъ—чтобъ не дѣлали зла». При дворѣ слѣдуетъ «воздерживаться отъ многоглаголанія и какъ можно внимательнѣе слушать, отнюдь не дозволяя себѣ принимать разсѣянпаго, равнодушпаго или меланхолическаго вида; напротивъ того, надо выказывать живѣйшее сочувствіе къ предмету, о которомъ идетъ рѣчь, но проявлять это сочувствіе болѣе вниманіемъ и молчаніемъ, чѣмъ словами, или жестами одобренія. Особенно важно заручиться расположеніемъ такихъ служащихъ, которые въ чемъ-либо могутъ пригодиться». Къ числу ихъ принадлежатъ между прочимъ почтальоны. «Письма, которыя опасно сохранять, слѣдуетъ немедленно сжигать» и т. п. Въ заключеніе дю-Плесси разсматриваетъ случаи, когда «необходимо прибѣгать къ притворству и лести».

Тѣмъ временемъ Генрихъ IV палъ отъ руки убійцы (14-го мая 1610-го года) и люсонскому епископу пришлось ѣхать въ Парижъ, чтобы присягнуть на вѣрность королевѣ-регентшѣ, Маріи Медичи. Полгода спустя онъ вернулся опять въ свою епархію. Матеріальное его положеніе хотя нѣсколько и улучшилось, но все-таки онъ продолжалъ нуждаться въ деньгахъ. Въ 1614-мъ году Марія Медичи созвала генеральные штаты и дю-Плесси снова прибылъ въ Парижъ въ качествѣ депутата отъ духовенства. Во время совѣщаній онъ, несмотря на молодость, съумѣлъ пріобрѣсти до такой степени довѣріе сотоварищей, что ему было поручено представить королю въ день открытія засѣданій докладную записку отъ лица всего духовнаго сословія. Люсонскій епископъ обратился при этомъ къ Людовику XIII съ рѣчью, свидѣтельствовавшей какъ объ его ораторскихъ способностяхъ, такъ и о рѣшимости не пренебрегать никакими средствами для достиженія намѣченной цѣли.

Вся Франція была въ то время возмущена правленіемъ Маріи Медичи и ея фаворита, итальянца Кончини, пожалованнаго безъ всякихъ военныхъ заслугъ въ маршалы. Въ совѣщаніяхъ генеральныхъ штатовъ депутаты жаловались на общую неурядицу и полное разстройство финансовъ. Уступчивость королевы-регентши по отношенію къ испанской политикѣ вызывала общее неудовольствіе.

Несмотря на это, Арманъ дю-Плесси въ своей рѣчи осыпалъ Марію Медичи и ея систему управленія государствомъ не заслуженными похвалами. Рѣчь эта послужила первой ступенью къ будущей политической карьерѣ люсонскаго епископа, такъ какъ юный король и регентша съ благосклоннымъ вниманіемъ выслушали оратора. Марія Медичи не замедлила вознаградить ревностнаго своего апологета. Въ началѣ 1616 года Ришелье былъ назначенъ штатнымъ священникомъ при дворѣ молодой королевы Анны Австрійской и поселился въ Парижѣ, гдѣ купилъ себѣ домъ противъ церкви монастырскаго подворья Blancs-Manteaux; въ томъ-же году онъ былъ зачисленъ въ государственный совѣтъ и назначенъ секретаремъ въ кабинетѣ Маріи Медичи, удостоившей избрать молодого, изящнаго и ловкаго епископа своимъ фаворитомъ. Матеріальное положеніе Ришелье значительно улучшилось, такъ какъ ему ассигновали 6,000 ливровъ (10,000 рублей) на расходы «по служебному положенію».

Тѣмъ временемъ между гугенотами происходили серьезныя волненія, начавшіяся тотчасъ-же по обнародованіи манифеста о предстоявшемъ бракосочетаніи Людовика XIII съ Анной Австрійской и сестры его, принцессы Елизаветы, съ принцемъ Филиппомъ испанскимъ. Къ недовольнымъ примкнули многіе вліятельные вельможи, желавшіе воспользоваться этимъ случаемъ чтобы низвергнуть ненавистнаго имъ Кончини.

Въ это смутное время Кончини возложилъ на дю-Плесси сперва конфиденціальные переговоры съ герцогомъ Неверскимъ, а затѣмъ поручилъ ему-же портфель военнаго министерства и министерства иностранныхъ дѣлъ съ годовымъ окладомъ въ 17,000 ливровъ (30,000 р.) Санъ епископа обезпечивалъ ему предсѣдательство въ

государственномъ совѣтѣ. Всемогущій въ то время Кончини и его жена покровительствовали дю-Плесси, передъ которымъ открывалась тогда уже повидимому самая блестящая карьера, но судьба рѣшила иначе.

ГЛАВА II.

Первое министерство Ришелье.—Опала.—Кардинальская шапка. Вторичное вступленіе въ министерство.

Безъ сомнѣнія никто не подозрѣвалъ, что новый министръ, достигшій власти при помощи испанской партіи, сдѣлается со временемъ самымъ опаснымъ противникомъ Габсбурговъ. Дѣйствительно въ 1616 году Ришелье такъ пламенно раздѣлялъ симпатіи Маріи Медичи и Кончини, что посолъ Филиппа III отзывался о немъ какъ о самомъ искреннемъ сторонникѣ Испаніи. На этотъ разъ люсонскій епископъ не долго держался въ министерствѣ и не успѣлъ ознаменовать свое управленіе никакими важными мѣропріятіями. Дѣятельность его, какъ военнаго министра, была парализована недостаткомъ въ деньгахъ, доходившимъ до того, что передъ самой катастрофой 24-го апрѣля 1617 года онъ принужденъ былъ выдать изъ собственныхъ средствъ 3,000 руб. для уплаты жалованья войскамъ.

Въ качествѣ министра иностранныхъ дѣлъ, Ришелье дѣятельно хлопоталъ о заключеніи союза съ протестантскими государствами, чтобы лишить мятежныхъ французскихъ католиковъ и протестантовъ убѣжища за границей. «Суть дѣла не въ религіи, а въ неповиновеніи, писалъ люсонскій епископъ; король желаетъ одинаково относиться ко всѣмъ своимъ подданнымъ безъ различія исповѣданій, но вмѣстѣ съ тѣмъ требуетъ, чтобъ и католики и протестанты не уклонялись отъ исполненія вѣрноподданническихъ обязанностей».

24-го апрѣля 1617 года капитанъ королевскихъ тѣлохранителей Витри, получивъ приказаніе арестовать Кончини, убилъ его во дворцѣ, послѣ чего Людовикъ XIII вступилъ самъ въ управленіе государствомъ. Наканунѣ, вечеромъ, люсонскій епископъ получилъ анонимное письмо, въ которомъ его извѣщали о заговорѣ противъ Кончини. Ришелье сперва задумался, а потомъ положилъ письмо подъ подушку и заснулъ. Понимая, что душою заговора былъ самъ король, онъ считалъ опаснымъ для себя вмѣшиваться въ дѣло и даже не нашелъ нужнымъ предупредить своего «друга и благодѣтеля» о надвигавшейся грозѣ. Новое министерство, составленное герцогомъ Люинемъ, слѣдовало политикѣ Генриха IV, прямо противуположной видамъ Маріи Медичи и Ришелье.

Спустя всего лишь нѣсколько часовъ послѣ трагической смерти Кончини, Ришелье явился въ Лувръ, чтобы участвовать въ засѣданіи государственнаго совѣта, но получилъ отъ короля повелѣніе удалиться отъ двора и болѣе не вмѣшиваться въ государственныя дѣла.

— «Наконецъ-то мы избавились отъ вашей тиранніи!» воскликнулъ Людовикъ XIII, неподозрѣвавшій, что вскорѣ безропотно ей подчинится.

При такихъ обстоятельствахъ опальному епископу не оставалось иного выбора, какъ раздѣлить изгнаніе королевы-матери въ Блуа и ожидать тамъ вмѣстѣ съ ней лучшихъ временъ. Впрочемъ онъ предварительно навѣстилъ новаго премьера Люина, поздравилъ его и увѣрилъ, будто ѣдетъ съ бывшей регентшей, «чтобъ подавать ей благіе совѣты и доносить о всѣхъ ея намѣреніяхъ и поступкахъ». Однако присутствіе въ Блуа такого ловкаго дипломата, какъ Ришелье, начало обезпокоивать короля и Люина. Люсонскому епископу повелѣно было вернуться въ свою епархію. Ришелье немедленно повиновался и какъ будто совершенно погрузился въ богословскія изслѣдованія. Поселившись въ аббатствѣ Куссе, онъ написалъ объемистое сочиненіе подъ заглавіемъ: «Защита главныхъ положеній католическаго исповѣданія противъ докладной записки, поданной на высочайшее

нмя четырьмя шарантонскими пасторами». Сочиненіе это доставило ему репутацію одного изъ самыхъ выдающихся апологетовъ католицизма. Но эти богословскія занятія не удовлетворяли честолюбиваго прелата. Онъ обратился къ королю съ всеподданнѣйшей просьбой, въ которой увѣрялъ въ неизмѣнной преданности своей престолу и отвращеніи отъ политическихъ интригъ. Несмотря на эти увѣренія король и первый министръ имѣли основаніе подозрѣвать люсонскаго епископа въ тайныхъ сношеніяхъ съ Маріей Медичи и выслали его изъ французскихъ предѣловъ въ Авиньонъ. Тѣмъ временемъ, бывшая регентша самовольно удалилась изъ Блуа въ Ангулемъ и начала набирать тамъ войска, начальство надъ которыми поручила герцогу Эпернону. Франціи угрожала междуусобная война. Ввиду такого критическаго положенія Людовикъ XIII вызвалъ Ришелье изъ Авиньона и отправилъ въ Ангулемъ къ королевѣ-матери. Люсонскій епископъ добился желаемаго соглашенія, но оно оказалось непрочнымъ и черезъ годъ междуусобная война возгорѣлась съ новой силой. Только послѣ пораженія арміи королевы при Понъ-де-Се удалось примирить Марію Медичи съ сыномъ. Въ награду за это Людовикъ XIII обѣщалъ исходатайствовать у Павла V кардинальскую шляпу для Ришелье. Миръ между королемъ и его матерью былъ скрѣпленъ женитьбой племянника герцога Люина на племянницѣ люсонскаго епископа. Свадьбу торжественно отпраздновали въ покояхъ молодой королевы, а брачный контрактъ былъ подписанъ въ Луврѣ въ кабинетѣ королевы-матери. Тѣмъ не менѣе, только смерть Люина возвратила Маріи Медичи прежнее вліяніе и доставила Ришелье возможность вступить въ государственный совѣтъ. Не довѣрявшій ему Людовикъ XIII, по настояніямъ Люина, просилъ папу не обращать вниманія на представленія французскаго посла о возведеніи люсонскаго епископа въ санъ кардинала.

Герцогъ Люинъ никогда не командовалъ арміями, но тѣмъ не менѣе, состоялъ въ чинѣ конетабля, т. е. генералиссимуса. Онъ по своей безхарактерности и опрометчивости былъ какъ нельзя болѣе подъстать самому королю и вмѣсто того, чтобъ энергически противо-

дѣйствовать замысламъ Испаніи и Австріи, помогалъ ихъ осуществленію, вызвавъ междуусобную войну въ самой Франціи. По совѣту своего премьера Людовикъ XIII нарушилъ статью нантскаго эдикта, оставлявшую въ рукахъ беарнскихъ гугенотовъ захваченныя ими во время религіозныхъ войнъ католическія церковныя имущества. Гугеноты взялись за оружіе. Самъ король двинулся на нихъ съ арміей, предводимой шестью маршалами, и обложилъ укрѣпленный протестантами городъ Монтобанъ, но вынужденъ былъ снять осаду и отступить. Неудачный исходъ кампаніи подорвалъ авторитетъ герцога Люина въ глазахъ короля. Это такъ подѣйствовало на герцога, что онъ умеръ, какъ увѣряютъ, «отъ тревоги и огорченія».

Послѣ него во главѣ министерства сталъ принцъ Конде, вскорѣ утративший однако расположеніе Людовика XIII. Напротивъ того, Марія Медичи, слѣдуя совѣтамъ Ришелье, мало-по-малу вернула себѣ довѣріе сына. По ея настояніямъ люсонскій епископъ получилъ наконецъ въ 1622 году давно обѣщанную кардинальскую шляпу и вскорѣ послѣ того отказался отъ люсонской епархіи. Высокомѣріе принца Конде сильно раздражало его сотоварищей по министерству. Король въ свою очередь былъ недоволенъ безуспѣшностью все еще продолжавшейся войны съ гугенотами. Марія Медичи пріобрѣтала, благодаря этому, все большее значеніе въ государственномъ совѣтѣ. Сблизившись съ вліятельнѣйшими изъ министровъ, королева-мать обѣщала имъ не допускать кардинала Ришелье до непосредственнаго участія въ государственныхъ дѣлахъ, послѣ чего министры Брюларъ и Пюизье открыто приняли ея сторону.

Ришелье тѣмъ временемъ благоразумно стушевался, чтобы не возбуждать подозрѣнія въ министрахъ, чувствовавшихъ въ немъ опаснаго соперника.

Слѣдуя программѣ дѣйствій, начертанной ея фаворитомъ, королева-мать всячески старалась щадить самолюбіе царственнаго своего сына, который, постоянно нуждаясь въ опекѣ, имѣлъ вмѣстѣ

съ тѣмъ, подобно большинству безхарактерныхъ людей, большія притязанія на самостоятельность.

Когда принцъ Конде совершенно утратилъ довѣріе короля, прочіе министры, по соглашенію съ Маріею Медичи, убѣдили Людовика XIII пригласить въ государственный совѣтъ маркиза Вьевилля. Новый министръ началъ съ того, что уговорилъ короля сформировать новый кабинетъ. Отставка прежняго министерства была окончательно рѣшена на конфиденціальномъ совѣщаніи между королемъ, его матерью, Вьевиллемъ и Ришелье. Вьевилль сталъ первымъ министромъ, но Людовикъ XIII былъ еще слишкомъ предупрежденъ противъ Ришелье, такъ что не дозволилъ включить его въ составъ кабинета. Тѣмъ не менѣе, честолюбивый кардиналъ былъ вполнѣ увѣренъ, что благодаря поддержкѣ королевы-матери будетъ въ самомъ непродолжительномъ времени призванъ къ кормилу правленія. Дѣйствительно, вскорѣ выяснилось, что Вьевилль не въ силахъ справляться съ возраставшими усложненіями внутреннихъ государственныхъ дѣлъ и внѣшней политики.

Людовикъ XIII не отличался блестящимъ умомъ, но тѣмъ не менѣе обладалъ достаточной дозой здраваго смысла, чтобъ понимать необходимость для Франціи противиться всякому дальнѣйшему усиленію могущества Испаніи и Австріи. Обѣ эти державы, монархи которыхъ были соединены тѣсными родственными узами, дѣйствовали съ такимъ единодушіемъ, какъ еслибъ представляли собою одно неразрывное цѣлое. Къ счастію для Европы, между австрійскими и испанскими владѣніями существовала черезполосность, препятствовавшая арміямъ Филиппа III и Фердинанда II соединиться въ одну подавляющую громаду вооруженныхъ силъ. Съ цѣлью устраненія этой черезполосности, испанцы рѣшили завладѣть Вальтелинской долиной, лежащей между озеромъ Комо и Тиролемъ. Долина эта, населенная по преимуществу католиками, находилась въ вассальной зависимости отъ Граубюнденскихъ кантоновъ, отличавшихся своей приверженностью къ реформаціи. Губернаторъ испанскихъ владѣній въ Италіи, герцогъ Ферія, пользуясь религіозной враждой между католиками и протестантами,

убѣдилъ вальтелинцевъ прибѣгнуть къ покровительству Испаніи, ввелъ въ долину испанскія войска и построилъ тамъ нѣсколько укрѣпленій. Такимъ образомъ, ему удалось установить прямое, хотя и не особенно удобное сообщеніе между испанскими и австрійскими владѣніями.

Франція ограничивалась одними только протестами противъ этого захвата. Испанское правительство, убѣжденное въ томъ, что французскіе протесты не будутъ поддержаны объявленіемъ войны, оставляло ихъ безъ вниманія. Вмѣстѣ съ тѣмъ однако оно всячески старалось поддерживать неурядицу во Франціи и не жалѣло денегъ на субсидіи вождямъ безпрерывно возгоравшихся тамъ возстаній противъ королевской власти.

Паденіе ла-Вьевилля значительно ускорилъ памфлетъ, озаглавленный: «Голосъ общества къ королю». Авторъ этого памфлета, аббатъ Фонканъ Болье, состоялъ въ близкихъ сношеніяхъ съ Ришелье, зачастую прибѣгавшаго къ его перу для распространенія печатныхъ пасквилей противъ министровъ. Кардиналу было извѣстно, что Людовикъ XIII охотно читалъ такіе пасквили и принималъ ихъ до извѣстной степени во вниманіе. Фонканъ въ своемъ памфлетѣ, написанномъ въ сотрудничествѣ съ самимъ Ришелье, обвинялъ Вьевилля въ лихоимствѣ, превышеніи власти и прямомъ неповиновеніи королю. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ указывалъ на кардинала, какъ на единственнаго человѣка, способнаго вывести Францію изъ затруднительнаго положенія.

*

III.

Отношенія Ришелье къ Людовику XIII и его приближеннымъ.

Неизвѣстно въ точности когда именно Ришелье успѣлъ вкрасться въ довѣріе Людовика XIII. Во всякомъ случаѣ это произошло въ промежутокъ между апрѣлемъ и августомъ 1624 года. Дѣйствительно, 26-го апрѣля, король, подъ вліяніемъ упомянутаго уже памфлета и настояній своей матери, лишь неохотно пригласилъ Ришелье въ государственный совѣтъ, а 13-го августа кардиналъ фактически занималъ уже постъ перваго министра. Что касается ла-Вьевилля, то онъ былъ арестованъ и заключенъ въ замокъ Амбуазъ.

Къ тому времени въ политическихъ воззрѣніяхъ Ришелье произошла радикальная перемѣна. Въ качествѣ фаворита Маріи Медичи и министра въ кабинетѣ Кончини, онъ былъ ревностнымъ сторонникомъ союза съ Испаніей. Сообразивъ затѣмъ, что несравненно выгоднѣе опереться на короля, онъ быстро произвелъ перемѣну фронта, безусловно присоединился къ политической программѣ Людовика XIII и сдѣлался самымъ энергическимъ противникомъ испанской гегемоніи. Воспользовавшись вліяніемъ королевы-матери чтобы попасть въ министерство, и заручившись довѣріемъ короля, политическую мудрость котораго безпрерывно восхвалялъ, Ришелье естественно вызвалъ противъ себя неудовольствіе прежней своей покровительницы.

Людовикъ XIII повидимому серьезно приписывалъ себѣ честь обращенія кардинала Ришелье на путь истинно-національной французской политики. Увѣренность эта, которую честолюбивый и ум-

ный кардиналъ тщательно старался поддерживать, значительно упрочила его положеніе при дворѣ.

Въ своемъ политическомъ завѣщаніи Ришелье говоритъ: «Я обѣщалъ королю употребить всѣ мои способности и всѣ средства, которыя ему угодно будетъ предоставить въ мое распоряженіе, на то, чтобъ уничтожить гугенотовъ, какъ политическую партію, ослабить незаконное могущество аристократіи, водворить повсемѣстно во Франціи повиновеніе къ королевской власти и возвеличить Францію среди иностранныхъ державъ».

Въ письмѣ къ Людовику XIII, помѣченномъ 1626 годомъ, Ришелье могъ уже указать на достигнутые имъ благопріятные результаты. Онъ говоритъ: «Если Богу угодно будетъ продлить мою жизнь еще на полгода или болѣе, то я умру спокойно. Гордость Испаніи будетъ сокрушена, гугеноты покорены, между членами королевской фамиліи возстановится единодушіе, имя-же вашего величества прославится всюду».

Изучивъ до тонкости характеръ Людовика XIII, ловкій кардиналъ постоянно выставлялъ себя лишь хорошимъ исполнителемъ предначертаній монарха. Являясь къ королю съ докладомъ, онъ никогда не навязывалъ открыто своего мнѣнія, но излагалъ обстоятельства дѣла такъ, что Людовикъ XIII, какъ-будто иногда даже вопреки своему министру, постановлялъ рѣшеніе, вполнѣ соотвѣтствовавшее его видамъ. Если Ришелье удалось, несмотря на всѣ многочисленныя, направленныя противъ него интриги, сохранить расположеніе и довѣріе короля, то именно лишь благодаря умѣнью сообразовать свое поведеніе съ характеромъ Людовика XIII. Задача эта была весьма трудною, такъ какъ король не отличался особенной деликатностью и мягкосердечіемъ въ обращеніи съ неправившимся ему министрами, особенно-же если ихъ можно было заподозрить въ желаніи имъ руководить. Зная это, Ришелье не упускалъ удобнаго случая польстить самолюбію короля и неоднократно говорилъ: «Ваше величество по отношенію къ правильности сужденій первый во всемъ нашемъ государственномъ совѣтѣ».

Замѣтивъ, что король, ввиду единодушнаго ходатайства всего

своего двора, колеблется подписать смертный приговоръ Бутвиллю, нарушившему законъ, которымъ воспрещались поединки, Ришелье сказалъ: «Вашему величеству предстоитъ теперь отрубить голову поединкамъ, или собственному своему указу». Какъ и слѣдовало ожидать, король немедленно утвердилъ приговоръ, котораго добивался Ришелье въ сущности для того, чтобъ застращать интриговавшее противъ него высшее французское дворянство.

Иногда впрочемъ кардиналъ, ссылаясь на вѣрноподданническое усердіе, позволялъ себѣ дѣлать Людовику XIII рѣзкія замѣчанія. Такъ, въ январѣ 1629 года онъ, въ присутствіи королевы-матери и королевскаго духовника, патера Сюффрена, прочелъ своему монарху строжайшую нотацію. Изложивъ сперва программу внутренней и внѣшней политики и напомнивъ, что эта программа исходитъ отъ самого короля, Ришелье объявилъ, что она можетъ быть выполнена лишь въ томъ случаѣ, если его величество исправится отъ многочисленныхъ своихъ недостатковъ, а именно отъ подозрительности, зависти, чрезмѣрной поспѣшности въ рѣшеніяхъ и склонности руководиться въ симпатіяхъ и антипатіяхъ минутными капризами. Ришелье указалъ королю на неумѣстность увлекаться чувствомъ зависти къ родному брату. Онъ совѣтовалъ уступать принцу Гастону каждый разъ, когда это не можетъ повлечь за собою вреда для государственныхъ интересовъ, но воздерживаться отъ всякихъ уступокъ, способныхъ нанести ущербъ королевскому достоинству, причемъ предложилъ королю быть вообще сдержаннѣе въ рѣчахъ и не говорить ничего такого, что могли-бы истолковать въ смыслѣ, оскорбительномъ для августѣйшаго его брата. Королю слѣдовало также, по словамъ Ришелье, «или управлять самому ходомъ государственныхъ дѣлъ, или же препоручить завѣдываніе ими всецѣло лицу, къ которому онъ имѣетъ полное довѣріе. Чувство зависти короля къ своимъ уполномоченнымъ является, такъ сказать, завистью къ собственной тѣни, потому-что они, подобно планетамъ, сіяютъ лишь свѣтомъ, заимствованнымъ отъ солнца». Само собой разумѣется, что привѣтливость по отношенію къ вельможамъ и принцамъ являлась для короля обязатель-

ной, но при этомъ «никоимъ образомъ не слѣдовало поощрять клевету, свирѣпствующую при дворахъ хуже чумы. Надо строжайше наказывать всякую попытку очернить въ глазахъ короля вѣрныхъ его слугъ. Королю не подобаетъ забывать оказанныя ему услуги. Одобривъ какой-либо проектъ, необходимо поддерживать его до тѣхъ поръ, пока онъ не будетъ вполнѣ осуществленъ».

Въ заключеніе Ришелье увѣщевалъ короля настаивать на строгомъ выполненіи указа противъ поединковъ. «Оставляя преступленіе безнаказаннымъ и не пользуясь властью, полученной отъ Бога, монархъ совершаетъ великій грѣхъ. Государь, ведущій лично самую безгрѣшную жизнь, все-таки можетъ попасть въ адъ за невыполненіе съ должной строгостью монаршихъ своихъ обязанностей. Отправленіе правосудія должно быть вполнѣ безпристрастнымъ и нелицепріятнымъ даже къ тѣмъ, кто пользуется расположеніемъ короля. Виновнымъ подобаетъ во всѣхъ случаяхъ нести заслуженное наказаніе. Королю приличествуетъ щедро награждать оказанныя ему услуги, чтобы не распространялась молва, будто онъ скорѣе строгій государь, чѣмъ милостивый, распущенная еще покойнымъ герцогомъ Люинемъ. Воля короля должна быть всегда разумною. Не слѣдуетъ съ горячностью устремляться къ чему-либо и тотчасъ-же затѣмъ охладѣвать. Точно также не умѣстно для короля держать себя такъ, чтобы ему осмѣливались приписывать равнодушіе къ важнымъ государственнымъ дѣламъ. Надлежитъ обнаруживать къ нимъ бо́льшій интересъ и отзываться съ похвалою о дѣятельности лицъ, помогающихъ выполненію монаршихъ предначертаній».

Не подлежитъ сомнѣнію, что въ этомъ прочитанномъ Людовику XIII правоученіи нравственный обликъ короля изображенъ чрезвычайно мѣткими и характерными чертами. Чтобы смягчить рѣзкость своей выходки, кардиналъ закончилъ ее покаяніемъ въ собственныхъ грѣхахъ и недостаткахъ, являвшимся, какъ и слѣдовало ожидать, чѣмъ-то вродѣ замаскированнаго похвальнаго слова самому себѣ. Указывая на многотрудныя обязанности по управленію государствомъ и на слабое свое здоровье, кардиналъ молилъ о дозво-

ленiи сложить съ себя столь тяжкое бремя и удалиться отъ дѣлъ, пока не утратилъ еще довѣрiе короля и августѣйшей его матери.

Маневръ этотъ увѣнчался успѣхомъ. Выслушавъ рѣчь кардинала со вниманiемъ и терпѣнiемъ, король (какъ говорится въ мемуарахъ Ришелье) объявилъ, что «непремѣнно воспользуется указанiями своего министра, о выходѣ котораго въ оставку не можетъ быть и рѣчи».

Помимо уваженiя къ духовному сану Ришелье, Людовикъ XIII дѣйствительно нуждался въ его услугахъ и совершенно искренно считалъ его незамѣнимымъ. Необходимо принять во вниманiе чрезвычайную болѣзненность короля, который умеръ всего только сорока двухъ лѣтъ отъ роду. Людовикъ XIII съ молодыхъ уже лѣтъ страдалъ хроническимъ катарромъ желудка. Онъ лечился все время слабительными и кровопусканiями, повлекшими за собою развитiе сильнѣйшаго малокровiя, подъ вліянiемъ котораго характеръ его сдѣлался меланхолическимъ, неустойчивымъ и раздражительнымъ. Ощущая настоятельную потребность въ другѣ, передъ которымъ могъ-бы изливать свою душу, не стѣсняясь условiями придворнаго этикета, Людовикъ XIII не могъ въ собственной своей семьѣ найти никого, способнаго выполнить эту роль. Родной братъ короля, принцъ Гастонъ, отличался крайней безхарактерностью, грубостью и безнравственностью, отталкивавшими отъ него Людовика, отношенiя котораго къ прекрасному полу были по преимуществу платоническими. Кромѣ того, принцъ Гастонъ постоянно участвовалъ въ заговорахъ противъ державнаго своего брата и его правительства. Къ своей супругѣ Аннѣ Австрiйской, тоже принимавшей дѣятельное участiе въ большинствѣ этихъ заговоровъ, Людовикъ XIII питалъ величайшую антипатiю, которую кардиналъ Ришелье всячески старался поддерживать.

Королева-мать, Марiя Медичи, была женщиной съ чрезвычайно тяжелымъ характеромъ, мстительная, вспыльчивая и властолюбивая, несмотря на полнѣйшую неспособность къ государственнымъ дѣламъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ она недолюбливала старшаго своего сына и отдавала явное предпочтенiе младшему.

Людовикъ XIII не имѣлъ фаворитокъ въ настоящемъ значеніи этого слова. Тѣмъ не менѣе Ришелье, оберегая свое вліяніе на монарха, зорко слѣдилъ за дѣвицами и дамами, возбуждавшими въ сердцѣ короля платоническую привязанность. Столь-же тщательно надлежало ему наблюдать за фаворитами, которыхъ выбиралъ себѣ король. Сперва Людовикъ XIII почувствовалъ расположеніе къ Люину, который благодаря лишь этому счастливому случаю попалъ въ герцоги, коннетабли и первые министры. По смерти Люина мѣсто его заступилъ молодой пажъ Барада. Вмѣшавшись въ интриги противъ Ришелье, онъ былъ замѣненъ сперва Сенъ-Симономъ, а потомъ Сенъ-Марсомъ, сыномъ преданнаго Ришелье маршала Эффіа. Самъ кардиналъ рекомендовалъ красавца-юношу королю, незамедлившему пожаловать новаго фаворита, которому исполнилось всего только восемнадцать лѣтъ, въ оберъ-шталмейстеры. Заносчивый и самоувѣренный Сенъ-Марсъ, принявшій послѣ того фамилію Ле-Грана, позволялъ себѣ однако обращаться весьма неуважительно даже съ самимъ королемъ. Людовикъ XIII вынужденъ былъ жаловаться на дурной характеръ своего фаворита. «Я позволилъ себѣ упрекнуть его въ лѣности,—пишетъ король кардиналу,—онъ-же возразилъ мнѣ, что каковъ есть, такимъ и останется. Я замѣтилъ тогда, что, во вниманіе къ оказаннымъ ему милостямъ, г-ну Ле-Грану не слѣдовало-бы говорить со мной такимъ тономъ, онъ-же отвѣчалъ, что не нуждается въ моихъ благодѣяніяхъ и прекрасно обойдется безъ нихъ».

Ришелье помирилъ тогда Людовика XIII съ фаворитомъ, но Сенъ-Марсъ обидѣлся такимъ вмѣшательствомъ. Вскорѣ послѣ того онъ задумалъ устроить государственный переворотъ, умертвить кардинала и занять мѣсто перваго министра. Сколько можно судить, Людовикъ XIII въ бесѣдахъ съ фаворитомъ зачастую жаловался на Ришелье и говорилъ, что былъ-бы очень радъ, еслибъ кто-нибудь избавилъ его отъ «визиря», забравшаго всю власть себѣ въ руки. Юный Сенъ-Марсъ придалъ слишкомъ серьезное значеніе словамъ, вырвавшимся у короля подъ вліяніемъ болѣзненнаго раздраженія и поплатился за это головою. Съ дру-

гой стороны однако имѣются основанія полагать, что еслибъ фавориту удалось привести въ исполненіе задуманный планъ, то Людовикъ XIII могъ-бы примириться съ совершившимся фактомъ. Кардиналъ Ришелье зналъ, что на короля позволительно надѣяться лишь при условіи самому не плошать, а потому, одновременно съ заботами о государственныхъ дѣлахъ, вынужденъ былъ, въ интересахъ самозащиты, внимательно слѣдить за всѣми придворными интригами и отвѣчать на нихъ соотвѣтственными шахматными ходами.

Великому кардиналу приходилось остерегаться также и духовниковъ Людовика XIII. Король былъ человѣкъ очень набоженъ и чрезвычайно опасался попасть въ когти къ дьяволу. Духовники пользовались поэтому у него всегда большимъ вліяніемъ, почти ускользавшимъ отъ всякаго контроля со стороны Ришелье. Между тѣмъ они зачастую употребляли это вліяніе во вредъ кардиналу. Одинъ изъ нихъ, іезуитъ Коссенъ, вздумалъ даже потребовать на исповѣди отъ короля удаленія Ришелье отъ кормила правленія. Безхарактерный король, испуганный угрозами и увѣщаніями своего духовника, изъявилъ согласіе разстаться съ премьеромъ, если Коссенъ пріищетъ на мѣсто Ришелье кого-либо другого, заслуживающаго довѣріе. Іезуитъ послѣ нѣкотораго колебанія остановилъ свой выборъ на герцогѣ Ангулемскомъ, который однако заподозрилъ искренность сдѣланнаго ему предложенія. Опасаясь какого-нибудь подвоха, онъ предпочелъ донести обо всемъ кардиналу, который вмѣстѣ съ нимъ тотчасъ-же отправился къ королю. Результатомъ этого объясненія было отрѣшеніе патера Коссена отъ должности королевскаго духовника.

Опаснѣйшимъ противникомъ Ришелье при дворѣ Людовика XIII была однако безъ сомнѣнія королева-мать. Марія Медичи преслѣдовала бывшаго своего любимца съ чисто женской беззавѣтной страстностью и настойчивостью. Враждебность эта приняла особенно ожесточенный характеръ послѣ того, какъ Ришелье удалось оттѣснить королеву-мать отъ непосредственнаго участія въ управленіи государствомъ. Властолюбивая мстительная итальянка не

останавливалась ни передъ какими средствами въ стремленіи вернуть себѣ первенствующую роль и покарать неблагодарнаго честолюбца, обязаннаго ей своимъ возвышеніемъ. Борьба съ этой противницей была тѣмъ труднѣе для кардинала, что въ рѣшающіе моменты Марія Медичи прибѣгала къ родительскимъ своимъ правамъ на короля. Задавшись цѣлью удалить Людовика XIII изъ подъ вліянія Ришелье, она, опираясь на материнскій свой авторитетъ, упрашивала сына не подвергать опасности и безъ того уже разшатанное здоровье и не дозволяла королю ѣхать въ армію. Ришелье въ свою очередь не расположенъ былъ оставлять короля въ рукахъ испанской партіи и утверждалъ, что присутствіе его въ арміи безусловно необходимо. Злополучный Людовикъ XIII положительно не зналъ, на что рѣшиться. Въ большинствѣ случаевъ однако Ришелье удавалось одержать верхъ. Король, которому было пріятно думать, что присутствіе его въ войскахъ дѣйствительно необходимо, соглашался съ доводами кардинала и уѣзжалъ, поручивъ ему какъ нибудь успокоить королеву-мать.

Братъ короля, принцъ Гастонъ, также былъ для Ришелье весьма неудобнымъ противникомъ. Ришелье не считалъ его впрочемъ особенно опаснымъ, такъ какъ зналъ, что этотъ избалованный, капризный и увѣренный въ своей безнаказанности маменькинъ сынокъ не обладалъ надлежащей энергіей для серьезной борьбы и не пользовался ни малѣйшимъ авторитетомъ у Людовика XIII. Тѣмъ не менѣе имя принца Гастона являлось знаменемъ, вокругъ котораго собирались недовольные внутренней и внѣшней политикой кардинала. Принцъ принималъ дѣятельнѣйшее участіе во всѣхъ заговорахъ и выходилъ всегда сухимъ изъ воды, такъ какъ, въ качествѣ королевскаго брата и предполагаемаго наслѣдника престола, не могъ подлежать сколько нибудь строгой карѣ. Гастонъ два раза уѣзжалъ за-границу и открыто принималъ сторону враговъ Франціи. Ришелье неоднократно пытался привлечь его въ свой лагерь, но принцъ, покаявшись кардиналу въ вѣчной любви и вѣрной дружбѣ, на другой-же день вступалъ опять противъ него въ заговоры и объявлялъ его своимъ врагомъ. Вообще же принцъ

Гастонъ отличался легкомысліемъ, граничившимъ съ безсовѣстностью. Послѣ каждаго неудачнаго заговора онъ испрашивалъ себѣ прощеніе, выдавая всѣхъ своихъ сообщниковъ.

Супруга Людовика XIII, Анна Австрійская, видѣла въ кардиналѣ Ришелье злѣйшаго врага вѣнскихъ и мадридскихъ своихъ родственниковъ, а потому естественно должна была примкнуть къ его противникамъ. Ришелье въ свою очередь преслѣдовалъ ее самымъ безпощаднымъ образомъ и всячески старался препятствовать сближенію ея съ мужемъ.

Анна Австрійская была замѣчательно хороша собою. Утверждаютъ, что Ришелье былъ къ ней сперва и самъ неравнодушенъ. Въ мемуарахъ Бріана разсказывается по этому поводу слѣдующій курьезный инцидентъ: «Королева со своей пріятельницей, герцогиней Шеврезъ, были, какъ это свойственно вообще молодымъ женщинамъ, охотницы пошутить и посмѣяться. Однажды имъ пришло въ голову позабавиться надъ влюбленнымъ кардиналомъ. Герцогиня пригласила Ришелье отъ имени королевы въ собственные аппартаменты ея величества. Кардинала увѣрили, будто королева, наслышавшись объ его ловкости и граціи, хочетъ посмотрѣть какъ онъ танцуетъ сарабанду и посовѣтовали для большаго эффекта нарядиться въ шутовской костюмъ. Влюбленный министръ вообразилъ, что ему удалось и на самомъ дѣлѣ покорить сердце Анны Австрійской. Онъ, въ сопровожденіи скрипача Боккаче, явился въ назначенный часъ въ комнату королевы, одѣтый въ зеленый бархатный костюмъ съ серебряными бубенчиками на пряжкахъ и подвязкахъ. Королева съ нѣсколькими придворными дамами и кавалерами скрывалась за ширмами, изъ за которыхъ можно было видѣть всѣ жесты и движенія танцора. Сначала она сдерживалась, но подъ конецъ невольно разразилась громкимъ смѣхомъ. Оскорбленный до глубины души кардиналъ тогда лишь сообразилъ, какую смѣшную роль заставили его разыгрывать. Онъ поклялся отмстить за отвергнутую любовь и сдержалъ слово». Исторія эта сама по себѣ не представляется особенно правдоподобной. Нельзя отрицать однако, что она даетъ безъ всякихъ натяжекъ объясненіе стран-

ному на первый взглядъ ожесточенію, съ которымъ Ришелье преслѣдовалъ злополучную королеву и побуждалъ Людовика XIII подвергать ее грубымъ, не всегда заслуженнымъ оскорбленіямъ.

Окончательный разрывъ между Ришелье и обѣими королевами произошелъ во всякомъ случаѣ на политической почвѣ. Марія Медичи и Анна Австрійская стояли за союзъ съ Италіей и Австріей. Многочисленные въ то время во Франціи ревностные католики находили какъ нельзя болѣе грѣховной политику Ришелье, поддерживавшаго всюду за-границей протестантовъ въ борьбѣ противъ католицизма.

IV.

Интриги и заговоры противъ Ришелье.

Враги Ришелье съ Маріей Медичи во главѣ вели сперва противъ него войну памфлетами, въ которыхъ взводили на кардинала всевозможныя обвиненія. Такъ, утверждали, будто онъ отравилъ кардинала Берюлла (заступившаго его мѣсто въ качествѣ интимнаго совѣтника королевы-матери), замышлялъ истребить членовъ королевской фамиліи и овладѣть французскимъ престоломъ, упрекали въ равнодушіи къ интересамъ церкви и въ готовности жертвовать ими ради благъ міра сего и т. под. Необходимо замѣтить впрочемъ, что и самъ Ришелье, добиваясь власти, прибѣгалъ къ совершенно такимъ-же пріемамъ въ борьбѣ съ Вьевиллемъ и другими министрами. Это не мѣшало ему обнаруживать болѣзненную чувствительность къ ядовитымъ уколамъ, которыми изобиловали направленные противъ него памфлеты.

Враги кардинала не щадили и короля. Они изображали въ своихъ пасквиляхъ Людовика XIII простой маріонеткой въ рукахъ властолюбиваго и наглаго визиря. Эти безтактныя нападки на короля были чрезвычайно выгодными для Ришелье, такъ какъ побуждали Людовика XIII принимать все болѣе энергическимъ образомъ сторону своего премьера противъ дерзкихъ памфлетистовъ.

Ришелье содержалъ на собственномъ иждивеніи нѣсколькихъ писателей, обязавъ ихъ опровергать возводимыя на него обвиненія и пускать отравленныя стрѣлы по адресу его противниковъ. Впослѣдствіи кардиналъ сталъ издавать для этой цѣли особую га-

зету. Онъ впрочемъ не пренебрегалъ и болѣе суровыми мѣрами для обузданія памфлетистовъ враждебнаго лагеря. Нѣкоторые изъ нихъ поплатились жизнью за свое усердіе въ нападкахъ на кардинала, властно управлявшаго судьбами Франціи.

Убѣдившись, что памфлетами не удается потрясти довѣрія Людовика XIII къ его первому министру, враги Ришелье рѣшили прибѣгнуть къ болѣе дѣйствительнымъ мѣрамъ. Съ 1626 года до самой смерти кардинала одинъ заговоръ противъ него смѣнялся другимъ, причемъ въ каждомъ заговорѣ мадридскій кабинетъ игралъ болѣе или менѣе дѣятельную роль.

Королева-мать не принимала участія въ первомъ заговорѣ противъ Ришелье. Отношенія Маріи-Медичи къ прежнему ея фавориту были въ то время еще довольно сносными, и она вполнѣ раздѣляла его взглядъ на желательность сочетать принца Гастона законнымъ бракомъ съ принцессою Монпансье, самой богатой невѣстой во Франціи. Напротивъ того, приближенные молодой королевы встрѣтили проектъ этого брачнаго союза весьма несочувственно. Аннѣ Австрійской поставлено было на видъ, что будущая герцогиня Орлеанская можетъ, пожалуй, родить сына и въ такомъ случаѣ пріобрѣтетъ при дворѣ большое вліяніе въ ущербъ бездѣтной королевѣ. Болѣзненное состояніе Людовика XIII придавало большую правдоподобность гороскопамъ астрологовъ, предсказывавшимъ ему близкую смерть. Тогда Аннѣ Австрійской можно было бы сохранить за собой французскій престолъ, выйдя замужъ за принца Гастона. Неизвѣстно, въ какой степени убѣдительными казались эти доводы королевѣ. Во всякомъ случаѣ, не подлежитъ сомнѣнію, что она задумала воспрепятствовать браку принца Гастона съ дѣвицей Монпансье и въ присутствіи нѣсколькихъ свидѣтелей объявила герцогинѣ Шеврезъ: «Браку этому не бывать!» Къ заговору примкнули: принцъ Гастонъ, побочные братья короля — принцы Вандомы, маршалъ Орнано и графъ Шале. Заговорщики разсчитывали, что въ рѣшительную минуту сторону ихъ приметъ почти вся французская аристократія, до чрезвычайности недовольная властнымъ авторитетомъ Ришелье. Конечныя цѣли

заговора держались въ секретѣ даже отъ самой Анны Австрійской. Она полагала, что имѣется въ виду лишь низложеніе кардинала. На самомъ дѣлѣ однако рѣшено было не только изгнать изъ Франціи или же убить Ришелье, но вмѣстѣ съ тѣмъ свергнуть Людовика XIII съ престола, заточить его въ монастырь и провозгласить королемъ принца Гастона, предварительно женивъ его на Аннѣ Австрійской. Въ случаѣ неудачи въ попыткахъ овладѣть особами короля и кардинала, принцъ Гастонъ разсчитывалъ, съ помощью гугенотовъ и враждебныхъ Ришелье вельможъ, устроить вооруженное возстаніе, которому Испанія и Австрія обѣщали оказать содѣйствіе людьми и деньгами.

Благодаря счастливой случайности кардиналъ своевременно узналъ объ угрожавшей опасности. Графъ Шале въ бесѣдѣ съ пріятелемъ разсказалъ о предположеніи умертвить кардинала. Объ этомъ было сообщено Ришелье, съ поясненіемъ, что премьеръ обязанъ спасеніемъ жизни именно самому графу. Объяснившись съ неосторожнымъ заговорщикомъ, кардиналъ призналъ возможнымъ пощадить какъ его, такъ и принца Гастона, давшаго при этомъ случаѣ королю обѣщаніе жениться на дѣвицѣ Монпансье и полюбить Ришелье «всѣмъ сердцемъ». Людовикъ XIII лично съѣздилъ въ Блуа, чтобы арестовать побочныхъ своихъ братьевъ Вандомовъ. Тѣмъ временемъ принцъ Гастонъ, измѣнивъ только что данному слову, началъ дѣятельно готовиться къ вооруженному возстанію, о чемъ кардиналу было немедленно донесено. Многіе заговорщики, въ томъ числѣ и графъ Шале, нарушившій изъ любви къ герцогинѣ Шеврезъ клятву не вмѣшиваться болѣе въ интриги противъ кардинала, были арестованы. Шале поплатился за вторичное участіе въ заговорѣ жизнью. Принцъ Гастонъ, въ качествѣ ближайшаго наслѣдника престола, остался безнаказаннымъ. Впрочемъ, онъ до такой степени струсилъ, что безпрекословно женился на принцессѣ Монпансье и выдалъ кардиналу всѣхъ своихъ единомышленниковъ, не исключая и Анны Австрійской. Въ награду за такую откровенность король пожаловалъ Гастону герцогства орлеанское и шартрское, графство Блуа и большую пен-

сію, благодаря которой ежегодные его доходы стали превышать милліонъ ливровъ (около 2 мил. руб.).

Людовикъ XIII заставилъ свою супругу явиться въ засѣданіе государственнаго совѣта. Тамъ съ горькой усмѣшкой бросилъ онъ ей въ лицо обвиненіе въ томъ, что она, при жизни одного мужа, уже собиралась выйти за другого. Королева, пожимая плечами, возразила, что слишкомъ мало выиграла бы при такой перемѣнѣ, а затѣмъ залилась слезами и вышла. Надъ ней учрежденъ былъ строжайшій надзоръ и сверхъ того ей было запрещено въ отсутствіи короля принимать въ своихъ аппартаментахъ лицъ мужскаго пола.

Кардиналъ Ришелье получилъ разрѣшеніе содержать для личной охраны стражу изъ пятидесяти мушкатеровъ. Впослѣдствіи признано было необходимымъ увеличить численность ея до трехсотъ человѣкъ.

Четыре года спустя враги кардинала чуть-было не одержали надъ нимъ верхъ. Ришелье убѣдилъ Людовика XIII принять начальство надъ дѣйствующей арміей въ Савойѣ. Марія Медичи, неладившая уже въ то время съ кардиналомъ, рѣшила не разставаться съ сыномъ и доѣхала вмѣстѣ съ нимъ до Ліона. Тамъ она отказалась слѣдовать далѣе и объявила, что здоровье короля можетъ подвергнуться большой опасности въ зараженныхъ чумою мѣстностяхъ, чрезъ которыя должна была проходить французская армія. Обвиняя кардинала въ готовности ради личныхъ своихъ цѣлей жертвовать драгоцѣнной жизнью короля, она требовала, чтобы Людовикъ XIII, достигшій уже тѣмъ временемъ Гренобля, немедленно вернулся въ Ліонъ. Король, уступая настояніямъ матери, дѣйствительно вернулся къ ней изъ арміи и захворалъ до такой степени серьезно, что Марія Медичи, Анна Австрійская и герцогъ Гастонъ начали уже считать себя полными хозяевами Франціи. Они ошиблись однако въ разсчетѣ, такъ какъ Людовикъ XIII совершенно неожиданно выздоровѣлъ. Тогда Марія Медичи, искусно сыгравъ роль нѣжной матери, выманила, при содѣйствіи Анны Австрійской, почти не отходившей отъ постели своего мужа, у больного короля обѣщаніе разстаться съ Ришелье. Безхарактер-

ный король, по обыкновенію, уступилъ слезнымъ мольбамъ и упрекамъ своей матери и жены. Тѣмъ не менѣе, согласіе его было вынужденное, и онъ на самомъ дѣлѣ не располагалъ выполнить свое обѣщаніе.

По возвращеніи двора въ Парижъ королева-мать не замедлила въ этомъ убѣдиться. Вообще не отличаясь сдержанностью, она пришла въ величайшее негодованіе и рѣшила поставить ребромъ вопросъ объ отставкѣ кардинала. Ришелье все еще занималъ должность главнаго управляющаго Маріи Медичи, а его племянница Комбале, числилась при ея особѣ старшей камеръюнгферой. Королева-мать отрѣшила ихъ обоихъ отъ этихъ должностей, объявивъ имъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ весьма рѣзкой формѣ свою немилость. Людовикъ XIII умолялъ свою мать хоть временно примириться съ первымъ министромъ, обѣщая ей при первой возможности уволить Ришелье въ отставку. Какъ-будто соглашаясь уступить просьбамъ державнаго сына, она пригласила Ришелье и его племянницу явиться въ Люксембургскій дворецъ и обѣщала тамъ съ ними оффиціально примириться. Не только сама Марія Медичи, но и всѣ придворные думали, что Ришелье не сможетъ удержаться въ должности перваго министра. Апартаменты королевы-матери въ Люксембургѣ наполнились посѣтителями, тогда какъ пріемная кардинала совсѣмъ опустѣла.

Въ день, назначенный Маріей Медичи для оффиціальнаго примиренія съ Ришелье, Людовикъ XIII пѣшкомъ отправился въ Люксембургскій дворецъ, гдѣ засталъ свою мать за туалетомъ. Она начала совершенно спокойно бесѣдовать съ нимъ о государственныхъ дѣлахъ. Въ это время доложили о прибытіи г-жи Комбале. Племянница кардинала смиренно упала къ ногамъ Маріи Медичи, прося о возвращеніи ей высочайшаго благоволенія. Королева-мать при видѣ бывшей своей камеръ-юнгферы пришла въ такую необузданную ярость, что обрушилась на неё съ грубой площадной бранью. Людовикъ XIII, для котораго эта безобразная сцена была совершенно неожиданной, сперва пытался напомнить матери ея обѣщанія, но, убѣдившись въ невозможности прервать потокъ

оскорбленій, сыпавшихся изъ ея устъ, вывелъ обливавшуюся слезами г-жу Комбале изъ уборной. Затѣмъ онъ вернулся къ матери и снова принялся ее увѣщевать, напоминая, что племянница кардинала явилась во дворецъ по приглашенію ея величества, и что объясненіе съ ней должно было привести къ совершенно иному результату. Марія Медичи оправдывалась, утверждая, что увлеклась ненавистью къ г-жѣ Комбале, присутствіе которой въ придворномъ штатѣ наврядъ-ли можетъ быть признано безусловно необходимымъ для блага государства. «Иное дѣло кардиналъ, съ нимъ, разумѣется, я стану говорить совершенно инымъ языкомъ», добавила она.

Вскорѣ затѣмъ явился и Ришелье. Преклонивъ передъ Маріей Медичи одно колѣно, онъ привѣтствовалъ ее изъявленіемъ глубочайшей покорности и преданности. Марія Медичи прервала рѣчь кардинала милостивымъ приглашеніемъ встать, но бѣшеный ея нравъ восторжествовалъ и на этотъ разъ надъ благими намѣреніями. Королева-мать въ концѣ своей бесѣды обошлась съ Ришелье совершенно также, какъ съ его племянницей, т. е. выгнала его изъ уборной, запретивъ когда либо являться къ себѣ на глаза. Кардиналъ вынужденъ былъ удалиться и считалъ дѣло свое окончательно-проиграннымъ. Собираясь уѣхать изъ Парижа, онъ приказалъ уже укладываться, но по совѣту преданныхъ ему лицъ, въ томъ числѣ и Сенъ-Симона, состоявшаго тогда фаворитомъ при Людовикѣ XIII, явился вечеромъ въ тотъ же день къ королю въ Версаль. Король чрезвычайно милостиво принялъ своего перваго министра, а на другой день побѣда, одержанная Ришелье надъ королевой-матерью, стала до такой степени очевидной, что придворные не замедлили снова откочевать изъ залъ Люксембургскаго дворца въ пріемную Ришелье. Этотъ день, а именно 12-е ноября 1629 года, носитъ названіе «journée de dupes» (дня обманутыхъ), такъ какъ многіе тогда горько ошиблись въ разсчетахъ. Нѣкоторымъ изъ наиболѣе ревностныхъ сторонниковъ Маріи Медичи пришлось дорого поплатиться за свою вражду къ кардиналу. Сама королева-мать все еще видимо не хотѣла признать себя по-

*

бѣжденной. Провѣдавъ, что король увлекся, насколько это было возможно при его религіозныхъ опасеніяхъ и малокровномъ организмѣ, одною изъ фрейлинъ своей супруги, дѣвицей Готфоръ, Марія Медичи пыталась при ея содѣйствіи подорвать довѣріе Людовика XIII къ первому министру. Попытка эта оказалась безуспѣшной, потому что король, благодаря физіологической неспособности сильно увлекаться особами прекраснаго пола, не придавалъ большаго вѣса просьбамъ и увѣщаніямъ предмета платонической своей страсти. Кардиналъ Ришелье воспользовался утомленіемъ и раздраженіемъ, въ которое приводили короля интриги его матери, для того чтобы окончательно удалить ее отъ двора. Уступая настояніямъ кардинала, Людовика XIII, находившійся со всѣмъ своимъ дворомъ въ Компьенѣ, уѣхалъ оттуда тайкомъ, на разсвѣтѣ, со своей супругой, министрами и придворными. Маршалъ Этре остался при Маріи Медичи съ нѣсколькими ротами гвардейцевъ въ качествѣ почетнаго караула. Ей было предложено отправиться по желанію въ Муленъ, или въ Анжеръ. Король изъявлялъ согласіе предоставить ей въ управленіе любую изъ областей: Бурбоне, или Анжу, по собственному ея выбору; но она не хотѣла и слышать о какомъ-либо компромиссѣ и рѣшилась съ помощью младшаго своего сына, Гастона Орлеанскаго, поднять во Франціи возстаніе. Ей самой чуть не удалось овладѣть укрѣпленнымъ городомъ Капелль, находившимся близъ фландрской границы, но Ришелье, извѣщенный своими шпіонами о сношеніяхъ ея съ мѣстнымъ комендантомъ, успѣлъ своевременно принять мѣры предосторожности. Королева-мать въѣхала уже въ капелльское предмѣстье, когда узнала, что въ городъ прибылъ всего лишь за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ новый комендантъ. Видя свои замыслы разгаданными, Марія Медичи признала всего болѣе благоразумнымъ для себя удалиться за границу. Новый комендантъ могъ бы разумѣется этому помѣшать, но предпочелъ спокойно пропустить мимо крѣпости королеву и ея свиту. Весьма вѣроятно, что онъ выполнялъ полученную отъ Ришелье инструкцію, и что Марія Медичи, удаляясь изъ Франціи, куда ей

не суждено уже было вернуться, сообразовалась безъ вѣдома и противъ желанія съ видами и предначертаніями своего врага.

Тѣмъ временемъ принцъ Гастонъ подготовилъ все уже къ новому возстанію, къ которому примкнули губернаторы областей: Прованса, Пикардіи и Бурбонне. Убѣдившись въ безуспѣшности мирныхъ переговоровъ съ братомъ, Людовикъ XIII двинулъ противъ него къ Орлеану войска. Гастонъ вынужденъ былъ отступить въ Бургундію, откуда бѣжалъ черезъ Франшъ-Конте въ Лотарингію. Король объявилъ сообщниковъ своего брата виновными въ государственной измѣнѣ, но парижскій парламентъ, въ которомъ существовала тогда сильная партія, враждебная Ришелье, отказался занести эту резолюцію въ протоколъ.

Непосредственнымъ поводомъ къ закончившейся такъ печально для Маріи Медичи ссорѣ съ кардиналомъ послужило опять разногласіе по вопросу о пріисканіи невѣсты принцу Гастону. Проживъ всего лишь годъ съ первой своей женою, принцъ овдовѣлъ. Марія Медичи хотѣла женить его на одной изъ своихъ итальянскихъ родственницъ. Анна Австрійская въ свою очередь интриговала въ пользу австрійской или испанской принцессы. Король, завидовавшій брату, у котораго отъ брака, продолжавшагося всего только годъ, родилась уже дочь, объявилъ Ришелье, что незачѣмъ торопиться пріисканіемъ принцу Гастону невѣсты.

Не смотря на королевское запрещеніе, Гастонъ Орлеанскій, радушно встрѣченный при дворѣ владѣтельнаго герцога лотарингскаго, женился на его сестрѣ, а затѣмъ уѣхалъ въ Брюссель къ королевѣ-матери, гдѣ вмѣстѣ съ нею заключилъ договоръ съ Испаніей. Мадридскій кабинетъ обрадовался случаю вмѣшаться во внутреннія французскія дѣла, возбудивъ серьезное возстаніе противъ Ришелье и Людовика XIII. Заговорщикамъ удалось привлечь на свою сторону лангедокскаго губернатора, герцога Монморанси, обиженнаго тѣмъ, что король, по совѣту Ришелье, отказывался произвести его въ чинъ коннетабля.

Чтобы устрашить мятежниковъ, кардиналъ предалъ суду сторонника Маріи Медичи маршала Марильяка, сидѣвшаго въ тюрьмѣ

съ самаго дня «обманутыхъ». Маршала обвинили въ лихоимствѣ и отрубили ему голову. Эта суровая мѣра краснорѣчиво свидѣтельствовала о рѣшимости Ришелье не церемониться со своими противниками, но тѣмъ не менѣе не произвела на заговорщиковъ ожидаемаго впечатлѣнія.

Принцъ Гастонъ, выступивъ изъ Лотарингіи съ отрядомъ, состоявшимъ преимущественно изъ испанцевъ, нѣмцевъ, итальянцевъ и бельгійцевъ, благополучно пробрался въ Лангедокъ, гдѣ соединился съ герцогомъ Монморанси. Людовикъ XIII и Ришелье вступили тѣмъ временемъ съ многочисленной арміей въ Лотарингію, взяли Нанси и впродолженіи недѣли окончили тамъ войну. Счастье благопріятствовало королевскимъ войскамъ и въ Лангедокѣ. Въ битвѣ близъ Кастельнодари герцогъ Монморанси, отличавшійся геройскимъ мужествомъ, былъ опасно раненъ и взятъ въ плѣнъ. Несмотря на единодушное заступничество всего двора и на блестящія заслуги самого Монморанси, онъ былъ приговоренъ къ обезглавленію и приговоръ этотъ былъ исполненъ надъ нимъ въ Тулузѣ.

Главный зачинщикъ заговора, принцъ Гастонъ, видя, что дѣло принимаетъ неблагопріятный оборотъ, изъявилъ покорность королю и кардиналу, выдалъ своихъ сообщниковъ и вымолилъ себѣ помилованіе на самыхъ унизительныхъ условіяхъ.

На обратномъ пути изъ Тулузы Ришелье заболѣлъ, вслѣдствіе чего ему пришлось пробыть довольно долго въ Бордо. Пользуясь отсутствіемъ кардинала изъ Парижа, Марія Медичи поручила своимъ сторонникамъ похитить г-жу Комбале и привезти ее въ Брюссель. Вслучаѣ еслибъ похищеніе удалось, имѣлось въ виду держать племянницу кардинала въ плѣну до тѣхъ поръ, пока Ришелье не согласится на возвращеніе королевы-матери во Францію. Попытка эта не увѣнчалась успѣхомъ и только еще болѣе раздражила Людовика XIII. Король писалъ г-жѣ Комбале, что еслибъ ее дѣйствительно увезли въ Брюссель, то онъ самъ, во главѣ пятидесятитысячной арміи, отправился бы туда выручать ее изъ плѣна.

Безпрерывно интригуя въ самой Франціи противъ короля и

его премьера, Марія Медичи и принцъ Гастонъ не стѣснялись высказывать свое несочувствіе внѣшней политикѣ кардинала. Они открыто принимали сторону Испаніи и Австріи, съ которыми въ то время Франція вела неоффиціальную войну. Королева-мать праздновала иллюминаціей всякую побѣду имперскихъ войскъ надъ шведами, съ которыми Франція состояла въ союзѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ она изъ-за границы дѣятельно руководила покушеніями на жизнь кардинала. Зная объ этихъ покушеніяхъ, Людовикъ XIII совѣтовалъ Ришелье не особенно довѣрять безвредности фруктовъ и дичи, присылаемыхъ хотя бы даже изъ королевскаго дворца. Особенно многочисленными сдѣлались злоумышленія на жизнь Ришелье съ 1636 года, когда произошелъ формальный разрывъ между Испаніей и Франціей. Самымъ опаснымъ изъ нихъ слѣдуетъ признать аміенское. Испанскимъ войскамъ, вторгшимся въ Пикардію, удалось въ первое время одержать тамъ кое-какіе успѣхи и между прочимъ овладѣть укрѣпленнымъ городомъ Корби. Людовикъ XIII и кардиналъ Ришелье немедленно осадили этотъ городъ, имѣвшій весьма важное стратегическое значеніе. Принцъ Гастонъ и графъ Суассонскій дали мадридскому кабинету тайное обѣщаніе помѣшать успѣху осады. По соглашенію съ четырьмя фаворитами принца, признано было самымъ надежнымъ для этого средствомъ убить кардинала. Гастону оставалось только подать сигналъ, по которому злоумышленники, окружившіе уже кардинала, безотлагательно бы его умертвили. Принцъ, вообще не отличавшійся рѣшимостью, совершенно растерялся и къ удивленію своихъ сообщниковъ не подалъ имъ условнаго знака. Благодаря этой счастливой случайности, Ришелье, находившійся на волосъ отъ смерти, уцѣлѣлъ. Послѣ взятія Корби принцъ Гастонъ и графъ Суассонскій, узнавъ, что кардиналъ получилъ уже нѣкоторыя свѣдѣнія о заговорѣ, поспѣшили бѣжать за-границу.

Извѣстно, что супруга Людовика XIII, Анна Австрійская не сочувствовала внѣшней политикѣ своего мужа. Несмотря на то, что Франція находилась въ войнѣ съ Испаніей и Австріей, королева поддерживала дѣятельную переписку съ мадридскимъ и вѣн-

скимъ дворами. Ришелье, заручившись полномочіями отъ Людовика XIII, учредилъ надъ ней тайный надзоръ. Вскорѣ послѣ взятія Корби шпіонамъ кардинала удалось перехватить цѣлый пакетъ собственноручныхъ писемъ Анны Австрійской, адресованный на имя герцогини де-Шеврезъ. Въ виду явныхъ уликъ королева вынуждена была сознаться въ своихъ сношеніяхъ съ испанскимъ дворомъ, но утверждала, будто имѣла приэтомъ единственною цѣлью побудить его къ скорѣйшему заключенію мира. Вмѣстѣ съ тѣмъ она просила прощенія у Людовика XIII и клялась не переписываться болѣе съ врагами Франціи. Трудно сказать, сдержала ли Анна Австрійская эту клятву, но во всякомъ случаѣ кардиналу болѣе не удавалось поймать ее съ поличнымъ.

Въ 1637 году графъ Суассонскій, получивъ отъ короля помилованіе, вернулся во Францію и поселился въ городѣ Седанѣ, принадлежавшемъ герцогу Бульонскому. Городъ этотъ не замедлилъ стать очагомъ новыхъ заговоровъ, которые въ 1641 году привели къ вооруженному возстанію, сразу принявшему грозные размѣры. Во главѣ мятежниковъ стояли графъ Суассонскій и герцогъ Бульонскій, къ которымъ примкнула большая часть французской аристократіи. Кромѣ того заговорщикамъ обѣщана была поддержка Испаніей, Австріей и герцогомъ лотарингскимъ. Дѣйствительно, къ войскамъ, собраннымъ графомъ Суассонскимъ, присоединился семитысячный вспомогательный имперскій отрядъ. Армія, посланная Людовикомъ XIII противъ мятежниковъ, была разбита наголову подъ Марфе, но счастье, всегда благопріятствовавшее кардиналу Ришелье, не измѣнило ему и въ этомъ случаѣ. Графъ Суассонскій тотчасъ же послѣ одержанной побѣды, палъ отъ руки неизвѣстнаго убійцы. Людовикъ XIII, собиравшійся уже уступить мятежникамъ и уволить Ришелье въ отставку, почувствовилъ послѣ этой катастрофы еще большее уваженіе къ кардиналу. Защитники Ришелье утверждаютъ, будто графъ Суассонскій застрѣлился самъ. Въ такомъ случаѣ онъ оказался-бы достойнымъ прототипомъ гоголевской унтеръ-офицерши, которая сама себя высѣкла. Дорога къ Парижу была ему открыта и къ тому-же фа-

ворить Людовика XIII, Сенъ-Марсъ, сочувствовавшій заговору, положительно удостовѣрялъ въ собственноручныхъ письмахъ, что король ищетъ только благовиднаго предлога отдѣлаться отъ не въ мѣру притязательнаго опекуна, какимъ являлся зачастую для него Ришелье. Пуля, сразившая графа Суассонскаго, нанесла смертельный ударъ возстанію, душой и руководителемъ котораго онъ былъ. Герцогъ Бульонскій поспѣшилъ вступить въ переговоры съ королемъ и получилъ благодаря этому полное помилованіе. Остальные главные зачинщики бѣжали за границу. Замѣчательно, что принцъ Гастонъ на этотъ разъ повидимому не участвовалъ въ возстаніи. На слѣдующій-же годъ однако онъ, заручившись отъ Испаніи обѣщаніемъ солидной поддержки, составилъ вмѣстѣ съ Сенъ-Марсомъ новый обширный заговоръ. Фаворитъ короля боялся, что долженъ будетъ дорого поплатиться за свои сношенія съ графомъ Суассонскимъ, свѣдѣнія о которыхъ, какъ онъ имѣлъ основаніе предполагать, дошли уже до Ришелье. Поэтому онъ взялъ на себя починъ заговора, который не удался лишь потому, что Сенъ-Марсъ, принцъ Гастонъ и герцогъ Бульонскій заключили съ Испаніей сдѣлку, чрезвычайно невыгодную для Франціи. Ришелье съумѣлъ добыть копію съ этой сдѣлки. Представивъ ее Людовику XIII, онъ убѣдилъ короля, что успѣхъ интриги долженъ былъ бы повлечь за собою для Франціи самыя нежелательныя послѣдствія.

Враги Ришелье прямо утверждаютъ, что душою заговора былъ на этотъ разъ самъ король, неоднократно намекавшій Сенъ-Марсу на возможность освободиться отъ Ришелье тѣмъ-же способомъ, какимъ освободился при содѣйствіи Люина отъ Кончини. Фаворитъ объявилъ королю о своемъ намѣреніи убить кардинала. Людовикъ XIII не счелъ нужнымъ предупредить перваго своего министра объ угрожавшей опасности. Говорятъ даже, будто король свелъ Сенъ-Марса съ Ришелье и вышелъ самъ изъ комнаты, предоставляя такимъ образомъ фавориту удобный случай покончить съ кардиналомъ. У Сенъ-Марса не хватило однако на это рѣшимости.

Самъ Людовикъ XIII въ письмѣ на имя государственнаго

канцлера, переданномъ въ комиссію, которой поручено было судить Сенъ-Марса, показываетъ:

«Справедливо, что господинъ Сенъ-Марсъ видѣлъ иногда мое недовольство любезнымъ моимъ кузеномъ, кардиналомъ Ришелье. Недовольство это вызывалось опасеніемъ, что кардиналъ, заботясь о моемъ здоровьѣ, не позволитъ мнѣ принять участіе въ осадѣ Перпиньяна, или иными подобными-же причинами. Въ такихъ случаяхъ г-нъ Сенъ-Марсъ всячески старался возбудить меня еще болѣе противъ моего кузена кардинала. Когда враждебное его настроеніе не выходило изъ границъ нѣкоторой умѣренности, я иногда не прекословилъ; когда однако-же г-нъ Сенъ-Марсъ забылся до того, что сталъ говорить о необходимости отдѣлаться отъ моего кузена-кардинала и предложилъ для этого лично свои услуги, дурные его замыслы возбудили во мнѣ ужасъ и отвращеніе. Знаю, что вы мнѣ повѣрите на слово, но впрочемъ каждый пойметъ, что ничего иного и быть не могло, такъ какъ еслибъ г-нъ Сенъ-Марсъ встрѣтилъ съ моей стороны одобреніе дурнымъ своимъ замысламъ, то ему незачѣмъ было-бы заключать съ испанскимъ королемъ договоръ, направленный въ ущербъ мнѣ и моему государству. Очевидно, что онъ подписалъ этотъ договоръ, лишь отчаявась достигнуть инымъ путемъ цѣли своихъ стремленій».

Немудрено, что при такихъ обстоятельствахъ кардиналъ Ришелье сталъ еще болѣе заботиться о личной своей безопасности. Даже являясь во дворецъ къ королю, онъ бралъ туда съ собою отрядъ вѣрныхъ тѣлохранителей.

Какъ уже извѣстно, Сенъ-Марсъ поплатился за этотъ заговоръ жизнью. Герцогъ Орлеанскій по обыкновенію выдалъ всѣхъ соучастниковъ, упрашивая лишь, чтобъ его избавили отъ очныхъ ставокъ съ ними. Этотъ заговоръ противъ Ришелье былъ послѣднимъ, такъ какъ въ декабрѣ того-же года кардиналъ, вліяніе котораго на короля достигло своего апогея, умеръ.

Еслибы Людовикъ XIII походилъ по темпераменту на своихъ преемниковъ, Людовика XIV или-же Людовика XV, то Ришелье на врядъ-ли удалось-бы такъ успѣшно бороться съ направлен-

ными противъ него интригами. Къ счастію для кардинала Людовикъ XIII былъ человѣкомъ совершенно иного пошиба. Не смотря на платоническій характеръ привязанностей, которыя возникали у него иногда къ той или другой изъ придворныхъ фрейлинъ, онъ всегда относился къ своимъ чувствамъ съ крайнимъ недовѣріемъ, опасаясь впасть въ смертный грѣхъ. Искусно играя на этой стрункѣ, кардиналъ могъ по своему усмотрѣнію руководить отношеніями короля къ предметамъ его страсти. Убѣжденный въ готовности дѣвицы Готфоръ играть роль послушнаго его орудія, Ришелье поощрялъ Людовика XIII ухаживать за красавицей-фрейлиной и утверждалъ, что не видитъ въ этомъ невинномъ ухаживаніи ни малѣйшей опасности для души своего монарха. Замѣтивъ однако, что фаворитка короля держитъ сторону королевы, ловкій кардиналъ тотчасъ-же произвелъ перемѣну фронта и сталъ рисовать передъ Людовикомъ XIII картину адскихъ мукъ, которыя ожидаютъ въ загробной жизни грѣшившихъ противъ седьмой заповѣди, хотя-бы даже только помышленіемъ. Воспользовавшись затѣмъ легкой размолвкой, которая произошла послѣ этого между королемъ и предметомъ его страсти, Ришелье посовѣтовалъ Людовику XIII выбивать клинъ клиномъ и короче познакомиться съ другой хорошенькой фрейлиной, дѣвицей Ла-Файетъ, чтобъ парализовать такимъ образомъ вліяніе красавицы Готфоръ. Интрига эта однако чуть не привела къ послѣдствіямъ, совершенно нежелательнымъ для самого кардинала. Кроткая и скромная Ла-Файетъ, племянница капуцина Жозефа, пришлась очень по вкусу королю и почувствола сама къ нему сердечное влеченіе. Будучи дѣвушкой чрезвычайно религіозной и нравственной, она перепугалась до того, что, несмотря на увѣщанія королевскаго духовника, іезуита Коссена, удалилась въ монастырь. Король пришелъ въ такое отчаяніе, что проливалъ горькія слезы и нѣсколько разъ съ разрѣшенія своего духовника навѣщалъ молодую монахиню, но она во время этихъ свиданій упрашивала своего возлюбленнаго вернуться къ Аннѣ Австрійской. Не подлежитъ сомнѣнію, что еслибъ Ла-Файетъ пожелала сыграть роль возстановительницы европейскаго мира,

которую ей предназначалъ патеръ Коссенъ въ своей интригѣ противъ Ришелье, то кардиналъ былъ-бы низвергнутъ съ поста перваго министра.

Какъ-бы ни было, послѣ двухлѣтняго увлеченія дѣвицей Лафайетъ, Людовикъ XIII принялся снова ухаживать за дѣвицей Готфоръ. Опасаясь, что она пріобрѣтетъ надъ королемъ слишкомъ большое вліяніе, Ришелье посовѣтовалъ ему «ради спасенія души» выслать очаровательную фрейлину недѣли на двѣ изъ Парижа. Король согласился съ благоразуміемъ такого совѣта и, сознавая собственную слабохарактерность, запретилъ допускать дѣвицу Готфоръ въ свои аппартаменты. Ей удалось однако проникнуть въ кабинетъ короля. Подавая Людовику XIII указъ о высылкѣ своей изъ Парижа, она спросила: «Неужели вы сами, государь, подписали этотъ декретъ?» Король пришелъ въ чрезвычайное смущеніе и началъ оправдываться, ссылаясь на необходимость временной разлуки. «Разлука эта будетъ вѣчной», возразила дѣвица Готфоръ, дѣлая королю прощальный реверансъ. Дѣйствительно она съ тѣхъ поръ никогда уже не видалась съ Людовикомъ XIII, который съ своей стороны скоро утѣшился, заинтересовавшись новымъ фаворитомъ, Сенъ-Марсомъ.

ГЛАВА V.

Внутренняя и внѣшняя политика кардинала.

Еслибы кардиналъ Ришелье не обладалъ выдающимися способностями къ борьбѣ съ самыми хитросплетенными интригами и заговорами, то однѣ лишь придворныя ковы должны были-бы отнять у него цѣликомъ все время. Пребываніе его у кормила правленія оказалось-бы тогда столь-же безрезультатнымъ, какъ и дѣятельность его предшественниковъ — Кончини и герцога Люина. Къ счастію для Франціи и Европы въ слабомъ тѣлѣ Ришелье жилъ мощный духъ. Сознавая, что надежнѣйшимъ средствомъ сохранить за собою постъ перваго министра является выполненіе политической программы Генриха IV, которую Людовикъ XIII въ принципѣ вполнѣ одобрялъ, Ришелье дѣятельно работалъ надъ ея осуществленіемъ. Онъ обѣщалъ королю укрѣпить внутри государства авторитетъ верховной власти и возвеличить Францію извнѣ и сдержалъ свое обѣщаніе. Наиболѣе трудною представлялась первая часть этой задачи. Цѣлое столѣтіе междуусобныхъ войнъ и религіозныхъ смутъ ослабили во Франціи всѣ внутреннія связи. Аристократія, которая при Генрихѣ IV начала было привыкать къ повиновенію королевской власти, убѣдилась за время регентства Маріи Медичи и въ первые годы царствованія Людовика XIII въ возможности безнаказанно сопротивляться королевскимъ декретамъ. Французскіе протестанты представляли собою государство въ государствѣ. Владѣя въ силу нантскаго эдикта многими крѣпостями, важнѣйшими изъ которыхъ были Ла-Рошель и Монтабанъ, гугеноты являлись не только религіозной сектой, но вмѣстѣ съ тѣмъ также и полити-

ческой партіей, не стѣснявшейся искать для себя союзниковъ за границей. Государственные финансы находились въ полномъ разстройствѣ; правосудіе существовало только по имени. Даже въ Парижѣ на глазахъ короля безнаказанно нарушалась имущественная и личная безопасность гражданъ; нельзя было выходить изъ дому безъ оружія уже потому, что среди бѣлаго дня никто не могъ считать себя на городскихъ улицахъ въ безопасности. Въ самомъ Парижѣ герцогъ Ангулемскій, побочный сынъ Карла IX, пользовавшійся расположеніемъ Людовика XIII, не платилъ многочисленной своей прислугѣ жалованья, ссылаясь на то, что его отель выходитъ на четыре улицы, на которыхъ такіе молодцы, какъ его лакеи, могутъ безъ труда раздобыть себѣ деньгу. Если лакеи знатныхъ баръ безцеремонно грабили и обирали прохожихъ, то ихъ господа позволяли себѣ еще большія вольности, на которыя тогдашнее общественное мнѣніе смотрѣло сквозь пальцы, между тѣмъ какъ съ точки зрѣнія современной нравственности онѣ представляются чудовищными преступленіями. Можно было разумѣется обращаться съ жалобами въ судъ, но суды, по увѣренію современниковъ, были «опаснѣе разбойничьихъ вертеповъ». Къ тому-же французское дворянство не признавало авторитета судебной власти и смѣялось надъ парламентскими повѣстками. Судебные пристава не смѣли даже являться въ знатные дома съ такими повѣстками, зная, что за подобную попытку будутъ до полусмерти исколочены палками. Самъ Людовикъ XIII находилъ такое обращеніе съ судебными приставами въ порядкѣ вещей и приказалъ было проучить палкой парижскаго парламентскаго пристава, дерзнувшаго явиться въ королевскій замокъ Фонтенебло съ исполнительнымъ листомъ на одного изъ придворныхъ. Къ счастью присутствовавшій при этомъ членъ государственнаго совѣта вступился за пристава и предложилъ королю сперва освѣдомиться, по чьему указу и распоряженію принесенъ во дворецъ исполнительный листъ. Какъ и слѣдовало ожидать, изъ документовъ выяснилось, что приставъ дѣйствовалъ именемъ самого короля и по его указу.

Вообще въ знатныхъ домахъ тогда держали цѣлыя команды

палочниковъ, расправлявшихся по свойски съ людьми, имѣвшими несчастье навлечь на себя неудовольствіе господъ, причемъ и сами господа не гнушались иной разъ собственноручно прибѣгать для вразумленія подчиненныхъ къ палкѣ. Кардиналъ Ришелье не составлялъ самъ исключенія изъ общаго правила; онъ билъ палкой не только своихъ служителей, но также государственнаго канцлера Сегье и главноуправляющаго министерствомъ финансовъ Бюлліона.

Будучи самъ дворяниномъ и вполнѣ сочувствуя образу мыслей тогдашняго французскаго дворянства, Ришелье оказался однако вынужденнымъ силою обстоятельствъ нанести смертельный ударъ исключительнымъ правамъ и преимуществамъ, которыми фактически обладала тогда французская аристократія. Участіе наиболѣе видныхъ ея представителей въ интригахъ и заговорахъ противъ его власти, заставило кардинала прибѣгать къ строгимъ карательнымъ мѣрамъ, наглядно свидѣтельствовавшимъ, что знатное дворянство не можетъ болѣе разсчитывать на безнаказанность для себя и своихъ кліентовъ иначе, какъ при условіи искренняго съ нимъ союза и соглашенія. Противники Ришелье убѣждались горькимъ опытомъ, что карательные законы писаны по преимуществу именно для нихъ.

Первыми предостереженіями по адресу французской аристократіи были: арестованіе побочныхъ братьевъ Людовика XIII, двухъ герцоговъ Вандомовъ и казнь графа Шале. Еще болѣе сильное впечатлѣніе произвелъ смертный приговоръ, постановленный надъ графомъ Бутвиллемъ изъ дома Монморанси. Сдѣлавшись первымъ министромъ, Ришелье долженъ былъ обратиться къ Людовику XIII съ просьбой о строжайшемъ воспрещеніи поединковъ. Дѣло въ томъ, что большая часть аристократической молодежи сочувствовала традиціямъ лиги и держала сторону королевы Анны Австрійской. Сторонники кардинала, безпрерывно подвергавшіеся публичнымъ оскорбленіямъ, должны были по установившемуся обычаю отвѣчать на нихъ вызовами. Многіе изъ приближенныхъ Ришелье гибли на дуэляхъ, или-же оказывались вслѣдствіе получен-

ныхъ ранъ и увѣчій не въ состояніи выполнять возложенныхъ на нихъ порученій. Людовикъ XIII издалъ противъ поединщиковъ суровый декретъ, на основаніи котораго ихъ можно было присуждать къ смертной казни и конфискованію имущества. Ришелье въ пояснительной запискѣ къ этому декрету указывалъ на желательность упразднить варварскій обычай, изъ-за котораго гибло ежегодно множество храбрыхъ дворянъ, способныхъ служить вѣрой и правдой королю и отечеству.

Не находя себѣ поддержки въ общественномъ сознаніи, королевскій декретъ противъ дуэлей казалось долженъ былъ остаться мертвой буквой. Самъ Людовикъ XIII подшучивалъ надъ тѣми, которые отказывались отъ вызововъ и насмѣшливо замѣчалъ, что они вѣроятно радуются возможности сослаться на его декретъ. Однакоже въ тѣхъ случаяхъ, когда это сообразовалось съ видами Ришелье, королевскій указъ противъ дуэлей примѣнялся, хотя и въ значительно смягченной формѣ. Нѣсколько дворянъ, въ томъ числѣ дю-Плесси Праленъ, были за участіе въ поединкахъ уволены отъ придворныхъ должностей. Тѣмъ не менѣе манія дуэлей не ослабѣвала. Графъ Бутвилль прибылъ изъ Брюсселя на почтовыхъ въ Парижъ для поединка съ маркизомъ Девроном. Не смотря на присутствіе въ столицѣ короля, дуэль состоялась среди бѣлаго дня на Королевской Площади. Секундантъ Деврона былъ убитъ. Послѣ поединка графъ Бутвилль собирался бѣжать за границу, но былъ арестованъ и преданъ суду парижскаго парламента, который приговорилъ его къ смертной казни. Всѣ ожидали, что король воспользуется правомъ помилованія, и что смертная казнь будетъ замѣнена воспрещеніемъ пріѣзда ко двору, но, по настоянію кардинала, Людовикъ XIII подписалъ смертный приговоръ, который и былъ приведенъ въ исполненіе. При этомъ случаѣ современники дали Людовику XIII насмѣшливое прозвище «Справедливаго—Louis le juste» съ поясненіемъ «á tirer de l'arquebuse» т. е. «мѣтко стрѣляющаго изъ ружья».

Будучи на основаніи теоретическихъ соображеній поклонникомъ системы террора, Ришилье пользовался каждымъ удобнымъ

случаемъ, чтобъ устранить своихъ противниковъ и наглядно показать имъ свое могущество. Спустя нѣсколько времени ему представилась возможность проявить это могущество въ еще болѣе яркомъ свѣтѣ, побудивъ короля отказать въ помиловаиіи графу Монморанси, одному изъ самыхъ выдающихся представителей французскаго дворянства. Весь дворъ Людовика XIII и всѣ его приближенные, за исключеніемъ Ришелье, умоляли короля смягчить приговоръ, постановленный тулузскимъ парламентомъ, но король приказалъ отрубить Монморанси голову, запретивъ лишь палачу касаться при этомъ рукою до осужденнаго. Когда маршалъ Шатильонъ указалъ на взволнованныя и опечаленныя лица всѣхъ придворныхъ, Людовикъ XIII, отличавшійся прирожденной склонностью къ жестокосердію, рѣзко замѣтилъ ему:

— Какой бы я былъ король, еслибы позволилъ себѣ питать чувства, приличествующія моимъ подданнымъ!

Ришелье, нетерпѣвшій никакихъ ограниченій свой власти, всячески добивался отмѣны особыхъ правъ и привиллегій, которыми пользовались до того времени Нормандія, Провансъ, Лангедокъ и многія другія французскія области. Заговоры и возстанія, въ которыхъ принимали участіе областные губернаторы, побудили Ришелье упразднить губернаторскія должности, что въ свою очередь значительно ослабило вліяніе высшей аристократіи. Мѣсто губернаторовъ заступили королевскіе интенданты, непосредственно подчиненные первому министру. Чтобы вѣрнѣе сломить сопротивленіе дворянства этимъ реформамъ, предписано было разрушить укрѣпленные замки, непредставлявшіеся необходимыми для государственной обороны.

Въ своемъ стремленіи подавить всѣ оппозиціонные элементы Ришелье не щадилъ также и парламента. Ему дозволялось высказывать только мнѣнія, согласныя съ воззрѣніями кардинала. Всякая попытка къ самостоятельности навлекала на парламентскихъ совѣтниковъ весьма серьезныя непріятности. Необходимо замѣтить впрочемъ, что парламенты въ то время зачастую руководились частными областными интересами, упуская изъ виду

интересы общегосударственные. Такъ, бургундскій парламентъ отказывался отъ возмѣщенія хотя бы даже части расходовъ, въ которые королю пришлось войти для обороны этой области. Бретонскій парламентъ не пожелалъ скрѣпить королевскій декретъ объ учрежденіи французской остъ-индской компаніи, ссылаясь на несоблюденія нѣкоторыхъ мелочныхъ юридическихъ формальностей. Совершенно организовавшееся было французское «Общество для торговли съ Остъ-Индіей» распалось. Подобнымъ же образомъ гренобльскій парламентъ, опасаясь, что не хватитъ хлѣба для населенія Дофине, объявилъ недѣйствительными всѣ контракты, заключенные на поставку продовольствія королевскимъ войскамъ, дѣйствовавшимъ въ Италіи. Чтобы окончательно уничтожить политическое значеніе парламентовъ, кардиналъ Ришелье за годъ до своей смерти побудилъ Людовика XIII издать указъ, воспрещавшій имъ всякое вмѣшательство въ государственныя и административныя дѣла. Указъ этотъ, уничтожавшій возможность законной оппозиціи, является, по мнѣнію Мишле и нѣкоторыхъ другихъ историковъ, зерномъ, изъ котораго выросла, полтораста лѣтъ спустя, революція, низвергнувшая королевскій тронъ во Франціи. Ришелье очевидно не раздѣлялъ мнѣнія о возможности опираться на то, что оказываетъ противодѣйствіе. Онъ никакого противодѣйствія не терпѣлъ.

Французское духовенство возлагало сперва на Ришелье большія надежды, разсчитывая, что онъ въ качествѣ кардинала долженъ отстаивать прерогативы своего сословія. Запявъ постъ перваго министра, Ришелье не затруднялся однако требовать, чтобы духовенство, владѣвшее въ то время почти четвертою частью всей французской поземельной собственности, платило въ казну соотвѣтственные налоги. Притомъ онъ намекнулъ, что церкви и монастыри не имѣютъ во Франціи законнаго права владѣть недвижимой собственностью, и что король могъ-бы конфисковать всѣ ихъ имущества, назначивъ монахамъ и церковному причту приличествующее скромное содержаніе. Въ заключеніе Ришелье присовокупилъ: «Государство имѣетъ дѣйствительныя потребности, тогда какъ

потребности церкви—воображаемыя и произвольныя. Если бы королевскимъ арміямъ не удалось отразить непріятеля, то французскому духовенству пришлось бы понести громадные имущественные убытки». Современникамъ казалось, что слова эти звучатъ чрезвычайно странно въ устахъ кардинала.

Еще болѣе странными признавали они отношенія кардинала Ришелье къ папской власти. Іезуитъ Санктарель обнародовалъ сочиненіе: «Объ ереси и расколѣ», въ которомъ между прочимъ утверждалось, будто папа имѣетъ законное право низводить съ престола императоровъ и королей въ наказаніе за дурные поступки, или вслучаѣ непригодности къ выполненію монаршихъ обязанностей. Ришелье, находя эту теорію оскорбительной для авторитета королевской власти, препроводилъ книгу Санктареля на разсмотрѣніе парижскаго парламента, который присудилъ сжечь ее рукою палача на Гревской площади. Затѣмъ іезуитамъ дано было понять, что вслучаѣ попытки защищать тезисы автора, они будутъ высланы изъ Франціи. Іезуиты выказали въ данномъ случаѣ обычную свою гибкость и лицемѣріе. Несмотря на то, что книга Санктареля одобрена была папой и генераломъ іезуитскаго ордена, шестнадцать наиболѣе вліятельныхъ іезутскихъ патеровъ скрѣпили своими подписями приговоръ, постановленный противъ нея парламентомъ. Убѣдившись въ опасности борьбы съ кардиналомъ, они послѣ неудачной попытки низвергнуть Ришелье, начали оказывать ему усердную поддержку.

Въ сношеніяхъ своихъ съ папой Урбаномъ VII Ришелье обнаружилъ тѣмъ болѣе замѣчательный тактъ, что въ качествѣ кардинала не могъ открыто противодѣйствовать видамъ и стремленіямъ римскаго первосвященника. Необходимо замѣтить впрочемъ, что собственные интересы Ватикана побуждали его не предъявлять къ Ришелье никакихъ требованій, которыя шли-бы въ разрѣзъ съ французской политикой, стремившейся ослабить преобладаніе Испаніи и Австріи. Въ самомъ Римѣ серьезно опасались этого преобладанія. При такихъ обстоятельствахъ если папа, уступая давленію мадридскаго кабинета, дѣйствовалъ иногда со-

*

образно съ видами испанской партіи, то отпоръ со стороны Ришелье обыкновенно не вызывалъ въ Ватиканѣ особеннаго раздраженія. Несравненно сильнѣе негодовалъ Ватиканъ на чрезмѣрную, по его мнѣнію, независимость и самостоятельность Ришелье въ религіозныхъ вопросахъ Ходатайствуя въ Римѣ о разрѣшеніи для дочери Людовика XIII вступить въ бракъ съ англійскимъ наслѣдникомъ принцемъ, который съ точки зрѣнія католической церкви являлся еретикомъ, Ришелье далъ понять, что въ крайнемъ случаѣ можно будетъ обойтись и безъ разрѣшенія. Въ отместку за это Урбанъ VIII не согласился возвести Ришелье въ почетный санъ папскаго легата во Франціи. Нѣсколько времени спустя отношенія между Франціей и Ватиканомъ до такой степени обострились, что Людовикъ XIII отказался принять папскаго нунція и предписалъ епископамъ воздерживаться отъ всякихъ сношеній съ папскимъ престоломъ. Урбанъ VIII струсилъ не на шутку, такъ какъ до него дошли слухи, будто Ришелье намѣренъ совсѣмъ отложиться отъ Рима и сдѣлаться патріархомъ особой галликанской церкви. Въ памфлетѣ, озаглавленномъ «Optatus Gallus» открыто высказывалось противъ кардинала такое обвиненіе. Въ возраженіи на этотъ памфлетъ, вышедшемъ за подписью одного іезуита, утверждалось въ свою очередь, что подобный шагъ со стороны французскаго духовенства и кардинала Ришелье не представлялъ-бы собою въ сущности ничего еретическаго и противузаконнаго, такъ какъ для учрежденія патріаршихъ престоловъ въ Іерусалимѣ и Константинополѣ не требовали согласія римскаго первосвященника. Неизвѣстно, имѣлось-ли на самомъ дѣлѣ такое намѣреніе у Ришелье. Папа рѣшилъ однако на всякій случай не доходить до окончательнаго разрыва съ могущественнымъ кардиналомъ и при посредствѣ Мазарини заключилъ съ нимъ компромиссъ.

Ришелье безпощадно боролся съ протестантами во Франціи, какъ съ политической партіей, но въ то же время обнаруживалъ по отношенію къ нимъ полнѣйшую вѣротерпимость. Что касается до янсенистовъ, то сперва онъ отнесся очень сочувственно къ основателю этой секты аббату Сенъ-Сирану. Однажды, провожая

его въ пріемную, кардиналъ объявилъ собравшимся тамъ посѣтителямъ: «Господа, вы видите передъ собою ученѣйшаго человѣка въ Европѣ!» Тѣмъ не менѣе, когда аббатъ, отказываясь принять участіе въ диспутѣ между католиками и протестантами, объявилъ, что католики должны обращать еретиковъ на путь истины не разсужденіями, основанными на текстахъ, а благочестивой жизнью и подвигами христіанскаго милосердія, кардиналъ призналъ ученіе его опаснымъ, разогналъ янсенистовъ и посадилъ Сенъ-Сирана въ Венсенскій замокъ. Оправдывая эту суровую мѣру, Ришелье утверждалъ, будто Сенъ-Спранъ опаснѣе шестерыхъ непріятельскихъ армій и говорилъ, что еслибъ Лютера и Кальвина своевременно засадили въ тюрьму, то Европа избавилась-бы отъ многихъ кровопусканій.

Справиться съ протестантами, или, какъ ихъ называли во Франціи, гугенотами, было несравненно труднѣе, чѣмъ съ янсенистами. Тѣмъ не менѣе существованіе сильной религіозно-политической партіи, являвшейся государствомъ въ государствѣ, составляло для Франціи серьезную хроническую опасность. Ришелье не могъ приступить къ дѣятельному выполненію своей внѣшней политической программы и двинуть французскія войска за границу, пока внутри государства существовала сильно сплоченная многочисленная партія, безпрерывно враждовавшая съ королевскимъ правительствомъ и заключавшая противъ него союзы съ иностранными государствами. Главнымъ спорнымъ пунктомъ гугенотовъ былъ укрѣпленный городъ Ла-Рошель, который, благодаря своему приморскому положенію и чрезвычайно сильнымъ по тогдашнему времени укрѣпленіямъ, считался неприступнымъ, тѣмъ болѣе что у Людовика XIII при вступленіи Ришелье въ должность перваго министра не было порядочнаго флота. Въ первое время поэтому Ришелье избѣгалъ повозможности ссоръ съ гугенотами и выказывалъ по отношенію къ нимъ большую уступчивость. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ энергически хлопоталъ о приведеніи французскихъ морскихъ силъ въ должный порядокъ. Достигнувъ въ этомъ отношеніи желаемыхъ результатовъ, кардиналъ предложилъ королю

издать декретъ о срытіи всѣхъ укрѣпленій, ненужныхъ для государственной обороны. Декретъ этотъ возбудилъ среди гугенотовъ величайшее негодованіе, совершенно впрочемъ понятное, такъ какъ онъ являлся прямымъ нарушеніемъ Нантскаго эдикта. При такомъ настроеніи умовъ достаточно было самой ничтожной искры, чтобы вызвать вооруженное возстаніе. Англія, которою управлялъ въ то время герцогъ Букингэмъ, обнадежила гугенотовъ своей поддержкой, и они стали дѣятельно готовиться къ борьбѣ, представлявшейся неизбѣжною.

Первый министръ англійскаго короля Іакова I, герцогъ Букингэмъ, остался у кормила правленія и по вступленіи на престолъ Карла I. При заключеніи брака Карла I съ французскою принцессою Генріеттой, Букингэму было поручено проводить молодую королеву въ Англію. Герцогъ, отличавшійся, по словамъ современниковъ, мужественной красотой, изяществомъ манеръ, утонченнымъ вкусомъ и царственною щедростью, встрѣтилъ при французскомъ дворѣ чрезвычайно радушный пріемъ. Особенно сочувственно отнеслась къ нему, какъ увѣряютъ, супруга Людовика XIII, Анна Австрійская. Букингэмъ въ свою очередь до того увлекся очаровательной французской королевой, что послѣ оффиціальнаго отъѣзда изъ Парижа тайкомъ вернулся туда, заранѣе обезпечивъ себѣ возможность застать Анну Австрійскую наединѣ въ саду. Утверждаютъ, будто королева сдѣлала ему за этотъ дерзкій поступокъ выговоръ, «въ которомъ высказывалось скорѣе нѣжное расположеніе, чѣмъ гнѣвъ». Ришелье, узнавъ объ этомъ свиданіи, поспѣшилъ принять мѣры къ предупрежденію дальнѣйшихъ визитовъ герцога Букингэма во Францію. Въ то время, какъ герцогъ собирался опять ѣхать въ Парижъ, во главѣ блестящаго посольства, ему прислано было съ курьеромъ формальное запрещеніе показываться на французской территоріи. Это его до такой степени взорвало, что онъ поклялся увидѣться съ Анной Австрійской наперекоръ всѣмъ препятствіямъ со стороны кардинала и французскаго вооруженнаго могущества.

Рѣшивъ объявить Франціи войну, Букингэмъ убѣдилъ Карла I

заключить союзъ съ гугенотами и высадился съ семитысячнымъ отрядомъ на островѣ Ре, въ виду Ла-Рошели. Губернаторъ этого острова, маркизъ Туара, заперся съ небольшимъ отрядомъ въ находившемся тамъ укрѣпленіи и оборонялся до такой степени упорно, что французскія войска успѣли прибыть къ нему на помощь. Герцогъ Букингэмъ, выказавшій блестящую личную храбрость, проигралъ тѣмъ не менѣе сраженіе и долженъ былъ вернуться въ Англію съ остатками своего дессантнаго отряда.

Во время высадки англичанъ на островъ Ре, жители Ла-Рошели открыто приняли ихъ сторону. Ришелье убѣдилъ короля осадить или, лучше сказать, блокировать Ла-Рошель, окруживъ городъ съ сухого пути линіей укрѣпленій и заградивъ доступъ къ нему съ моря громадной плотиной. Утверждаютъ, будто образцомъ для нея служила плотина, построенная Александромъ Македонскимъ при осадѣ Тира. Король Людовикъ XIII, видя, что населеніе Ла-Рошели не расположено сдаваться, уѣхалъ въ Парижъ, поручивъ веденіе осады кардиналу, назначенному главнокомандующимъ всѣхъ королевскихъ войскъ, собранныхъ подъ Ла-Рошелью и въ сосѣднихъ областяхъ. Ришелье ввелъ въ войскахъ строжайшую дисциплину, очень неправившуюся французскому дворянству, наиболѣе выдающіеся представители котораго понимали, что взятіе Ла-Рошели еще болѣе усилитъ и безъ того уже неудобное для нихъ могущество кардинала. Маршалъ Бассомпьеръ прямо говорилъ: «Ну, развѣ мы не сумасшедшіе? Вѣдь мы, чего добраго, возьмемъ Ла-Рошель!» Дѣйствительно, несмотря на геройское мужество обороняющихся, они, послѣ двухлѣтней блокады, были вынуждены голодомъ къ сдачѣ. Англійскій флотъ дважды пытался прорвать плотину, устроенную Ришелье, и доставить въ Ла-Рошель продовольствіе, но обѣ эти попытки были крайне нерѣшительными и не привели къ желаемому результату. Людовикъ XIII, вернувшись подъ конецъ осады въ лагерь, далъ, по совѣту Ришелье, гугенотамъ полную амнистію. Замѣчательно, что черезъ нѣсколько дней послѣ сдачи Ла-Рошели поднялась страш-

ная буря, разрушившая плотину, благодаря которой королевскимъ войскамъ только и удалось овладѣть городомъ.

Англійскій историкъ Юмъ говоритъ: «Паденіе Ла-Рошели закончило во Франціи періодъ религіозныхъ войнъ и было первымъ шагомъ на пути къ упроченію ея благоденствія. Внутреннія и внѣшнія враги этой державы утратили могущественнѣйшее орудіе для нанесенія ей вреда, и она, благодаря разумной и энергической политикѣ, начала постепенно брать верхъ надъ своей противницей—Испаніей. Всѣ французскія партіи подчинились законному авторитету верховной власти. Тѣмъ не менѣе, Людовикъ XIII, одержавъ побѣду надъ гугенотами, выказалъ чрезвычайную умѣренность. Онъ продолжалъ относиться съ терпимостью къ протестантскому вѣроисповѣданію. Франція была тогда единственнымъ государствомъ, въ которомъ вѣротерпимость признавалась законнымъ порядкомъ вещей».

Дѣйствительно, исторія должна подтвердить, что Ришелье въ вѣкъ инквизиціи отличался такой религіозной терпимостью, какая даже и въ наше время встрѣчается далеко не повсемѣстно. Самъ онъ говоритъ въ своемъ «Политическомъ Завѣщаніи»: «Я не считалъ себя въ правѣ обращать вниманіе на разницу въ вѣроисповѣданіи. И гугеноты, и католики были въ моихъ глазахъ одинаково французами». Впрочемъ взглядъ Ришелье на религіозный вопросъ не имѣлъ прочной почвы въ народномъ сознаніи, такъ что, когда, полвѣка спустя, Людовикъ XIV отмѣнилъ нантскій эдиктъ, мѣра эта не вызвала со стороны общественнаго мнѣнія ни малѣйшаго протеста.

Вслѣдъ затѣмъ споръ о престолонаслѣдіи въ герцогствѣ Мантуанскомъ далъ ему поводъ захватить укрѣпленный городъ Пиньероль, обладаніе которымъ открывало французамъ свободный доступъ въ Италію. Испанія и Австрія не могли воспрепятствовать этому захвату, такъ какъ тридцатилѣтняя война была тогда въ самомъ разгарѣ.

Несмотря на свой кардинальскій санъ, Ришелье всячески старался поддержать въ Германіи дѣло реформаціи, казавшееся одно

время окончательно проигранным. Побѣды Тилли и Валленштейна сдѣлали императора Фердинанда II полнымъ властелиномъ Германіи. Правда, что въ протестантскихъ нѣмецкихъ земляхъ обнаруживалось сильнѣйшее недовольство декретомъ о возвращеніи католическихъ церковныхъ имуществъ, конфискованныхъ уже болѣе ста лѣтъ передъ тѣмъ, но недовольство это ограничивалось глухимъ ропотомъ. Ришелье, опасаясь, что австрійскій домъ, подчинивъ себѣ всю Германію, направитъ свои грозныя вооруженныя силы противъ Франціи, заключилъ съ шведскимъ королемъ, Густавомъ-Адольфомъ, договоръ, цѣлью котораго выставлялось огражденіе самостоятельности германскихъ государей и обезпеченіе одинаковой свободы вѣроисповѣданія нѣмецкимъ протестантамъ и католикамъ. Франція обѣщала Густаву ежегодную субсидію въ 400.000 червонцевъ, онъ же, съ своей стороны, обязался держать въ Германіи армію изъ 30,000 пѣхоты и 6,000 конницы.

Тѣмъ временемъ монахъ капуцинскаго ордена, патеръ Жозефъ, отправленный французскимъ премьеромъ въ качествѣ посла на регенсбургскій сеймъ, увѣрилъ Фердинанда, что Франція, въ случаѣ новыхъ усложненій въ Германіи, будетъ соблюдать строжайшій нейтралитетъ и уговорилъ императора уволить въ отставку талантливѣйшаго его полководца Валленштейна. Фердинандъ II не замедлилъ раскаяться въ своей легковѣрности, когда Густавъ-Адольфъ разбилъ на голову его войска подъ Лейпцигомъ. Шведы могли бы послѣ того безпрепятственно овладѣть Вѣной, но упустили благопріятный случай. Ришелье замѣчаетъ по этому поводу въ своихъ «Мемуарахъ»: «Господь Богъ не хотѣлъ довести австрійскій домъ до окончательной гибели, находя вѣроятно ее вредной съ точки зрѣнія интересовъ католической церкви».

Очистивъ отъ имперскихъ отрядовъ прирейнскую Германію, Густавъ-Адольфъ предложилъ Людовику XIII свиданіе, чтобы переговорить о германскихъ дѣлахъ. Предложеніе это было отклонено, такъ какъ Ришелье считалъ неприличнымъ для французскаго короля имѣть личное объясненіе съ «какимъ-нибудь сѣвернымъ дер-

жавцемъ». Густаву-Адольфу дали знать, что если онъ возьметъ на себя трудъ подойти нѣсколько ближе къ Лотарингіи, занятой въ то время французскими войсками, то первый министръ Людовика XIII пріѣдетъ къ нему въ лагерь для переговоровъ. Шведскій король возразилъ, что предпочитаетъ послать кого-нибудь изъ своихъ министровъ выслушать предложенія г-на кардинала. Отвѣтъ этотъ произвелъ на Ришелье большое впечатлѣніе и значительно усилилъ его уваженіе къ Густаву-Адольфу. Тѣмъ временемъ смерть Тилли, убитаго при неудачной попыткѣ помѣшать переправѣ шведовъ черезъ Лехъ, заставила императора Фердинанда согласиться на всѣ требованія Валленштейна и назначить его снова главнокомандующимъ. Вслѣдъ затѣмъ война приняла оборотъ, менѣе благопріятный для протестантовъ. Густавъ-Адольфъ одержалъ, правда, надъ Валленштейномъ побѣду подъ Люценомъ, но былъ самъ убитъ въ этомъ сраженіи. Валленштейна, собиравшагося перейти на сторону протестантовъ, умертвили собственные его офицеры, оставшіеся вѣрными императору. Послѣ того война продолжалась съ перемѣннымъ счастьемъ, и Франція начала усиленно готовиться къ непосредственному въ ней участію. Ришелье былъ заранѣе увѣренъ, что протестантскіе нѣмецкіе государи окажутся вынужденными согласиться на всякія территоріальныя уступки, какихъ только захочетъ Франція въ вознагражденіе за свое содѣйствіе. Зная, что придется вести войну не только съ Австріей, но также и съ Испаніей, Ришелье призвалъ подъ знамена болѣе, чѣмъ стопятидесятитысячную армію. Франція никогда еще до тѣхъ поръ не располагала такой большой вооруженной силой. Содержаніе этихъ войскъ обходилось очень дорого и вызывало въ народѣ сильнѣйшее недовольство противъ кардинала, оправдывавшагося тѣмъ, что считаетъ своей задачей возвращеніе Галліи естественныхъ ея границъ.

Въ 1635 году объявлена была Испаніи война, отъ исхода которой, какъ заявлялъ Ришелье въ «Gazette de France», зависѣли «порабощеніе или свобода всей Европы». Второй годъ этой войны чуть было не оказался роковымъ и для кардинала и

для его политическихъ видовъ. Испанцы вторглись въ Пикардію и только по собственной винѣ не овладѣли Парижемъ, но не съумѣли воспользоваться одержанными успѣхами и дали французамъ время оправиться. Военное счастье стало послѣ того склоняться на сторону Франціи, но государственные расходы ея все болѣе возростали и къ концу 1639 года королевское казначейство совершенно опустѣло. Главноуправляющій министерствомъ финансовъ объявилъ, что «чаша исчерпана до дна». Тяжесть налоговъ, особенно угнетавшая крестьянъ, вызвала въ Нормандіи возстаніе «босоногихъ», которое было подавлено съ безпощадной суровостью. Слѣдуетъ замѣтить что кардиналъ не особенно смущался жалобами народа на тяжесть податнаго сложенія. Онъ говоритъ въ своемъ «Политическомъ завѣщаніи»: «Всѣ государственные дѣятели знаютъ, что излишнее благосостояніе только вредитъ народу, вызывая у него стремленіе забывать вѣрноподданническія свои обязанности.... Благоразуміе не дозволяетъ освобождать отъ налоговъ податное сословіе, которое утратило-бы тогда внѣшнее наглядное доказательство подчиненнаго своего положенія... Крестьянъ можно сравнить съ мулами, до такой степени привыкшими къ ношѣ, что долгій отдыхъ вредитъ имъ болѣе, чѣмъ работа... Съ другой стороны необходимо впрочемъ сообразовать тяжесть вьюка съ силами животнаго. Подобнымъ-же образомъ слѣдуетъ относиться и къ налогамъ, взимаемымъ съ народа».

Въ 1640 году вспыхнуло въ Португаліи и Каталоніи возстаніе противъ испанскаго владычества. Благодаря этому перевѣсъ рѣшительно склонился въ пользу Франціи и ея союзниковъ; Португалія окончательно отдѣлилась отъ Испаніи, а Каталонія въ 1642 году отдалась подъ покровительство Людовика XIII, провозгласивъ его графомъ барцелонскимъ и руссильонскимъ. Герцогъ лотарингскій вынужденъ былъ заключить миръ, по которому Франція пріобрѣла часть Лотарингіи. Уже съ 4 мая 1641 года Ришелье началъ также съ австрійскимъ домомъ переговоры, закончившіеся однако лишь чрезъ три года послѣ его смерти, а именно въ 1645 году, Вестфальскимъ миромъ.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ 1642 года скончалась въ Кельнѣ мать Людовика XIII Марія Медичи, тщетно умолявшая Ришелье дозволить ей вернуться во Францію. Самъ кардиналъ пережилъ ее лишь нѣсколькими мѣсяцами. Онъ умеръ 4 декабря 1642 года, объявивъ на прощаніи Людовику XIII: «Теперь нѣсенка Испаніи спѣта».

Ришелье оставилъ Францію могущественнымъ и прочно централизованнымъ государствомъ, обладавшимъ хорошо организованной арміей, сильнымъ флотомъ и значительными государственными доходами. При немъ французы утвердились въ Гвіанѣ и въ Вестъ-Индіи, вернули себѣ Канаду, овладѣли островомъ Бурбономъ и завели колоніи на Мадагаскарѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ кардиналъ очень интересовался французскими поселеніями въ сѣверной Африкѣ на алжирскомъ берегу и намѣревался устроить поселенія также въ Тунисѣ. Для укрѣпленія авторитета верховной власти упразднены были должности конетабля и генералъ-адмирала. Тѣмъ не менѣе Ришелье не удалось совершенно уничтожить систему продажи государственныхъ должностей. Напротивъ того, возраставшая потребность въ деньгахъ, зачастую побуждала его создавать новыя должности. Такъ, онъ увеличилъ число парламентскихъ совѣтниковъ, причемъ, продавая патенты преимущественно своимъ сторонникамъ, убивалъ, какъ говорится, однимъ камнемъ двухъ воробьевъ.

Въ заслугу Ришелье надо поставить также и заботы объ улучшеніи образованія французскаго юношества. Въ 1636 году онъ основалъ Королевскую Академію *) съ двухлѣтнимъ курсомъ для подготовленія молодыхъ людей къ военной и дипломатической службѣ. Въ 1640 году были основаны еще одна академія и Королевская коллегія для французскаго и иностраннаго дворянства. По мнѣнію Ришелье къ изученію такъ-называемыхъ гуманитарныхъ наукъ надлежало допускать сравнительно лишь немногихъ избранныхъ. Знакомство съ этими науками онъ считалъ безусловно вреднымъ для людей, которымъ предстояло заниматься земледѣ-

*) Она закрылась послѣ смерти кардинала.

ліемъ, ремеслами, торговлей и т. п., а потому высказывался въ пользу сокращенія числа классическихъ коллегій и замѣны ихъ двухъ и трехклассными реальными училищами, въ которыхъ молодые люди, приготовляющіеся къ торговлѣ, ремесленному труду, военной службѣ въ унтеръ-офицерскихъ чинахъ и т. п. получали-бы необходимое образованіе. Лучшихъ учениковъ онъ хотѣлъ переводить изъ реальныхъ школъ въ высшія учебныя заведенія. Смерть помѣшала Ришелье выполнить эту программу преобразованія французскихъ учебныхъ заведеній.

Прибѣгая къ суровымъ мѣрамъ, чтобы возстановить уваженіе къ закону и увѣряя Людовика XIII въ необходимости устранить лицепріятіе въ судахъ, Ришелье на самомъ дѣлѣ обращался съ правосудіемъ довольно безцеремонно. Онъ допускалъ судъ правый и нелицепріятный лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда это согласовалось съ его собственными видами. Процессы противъ политическихъ противниковъ и личныхъ враговъ кардинала обставлялись сплошь и рядомъ такъ, что о какихъ-либо гарантіяхъ безпристрастія не могло быть и рѣчи. Даже въ случаяхъ дѣйствительной виновности противниковъ Ришелье приговоры надъ ними имѣли скорѣе характеръ судебныхъ убійствъ, чѣмъ законной кары. Нарушеніе правосудія носило зачастую характеръ вопіющей несправедливости, наглядными образцами которой могутъ служить процессы де-Ту и Урбана Грандье.

Другъ и пріятель Сенъ-Марса, де-Ту, не принималъ участія въ заговорѣ и даже старался отклонить оберъ-шталмейстера отъ преступныхъ его интригъ. Правда, что, зная о нихъ, онъ все-таки не счелъ умѣстнымъ донести на своего друга. Объясняя на судѣ причины, по которымъ онъ не сдѣлалъ этого, де-Ту показалъ: «Я узналъ о договорѣ, заключенномъ съ Испаніей, изъ разсказа самого Сенъ-Марса, сообщившаго, что договоръ вступаетъ въ силу лишь въ томъ случаѣ, если французскія войска въ Германіи потерпятъ пораженіе. Войска наши постоянно одерживали побѣды, а потому не было настоятельной надобности измѣнять другу для спасенія государства отъ воображаемой опасности. Къ тому-же у меня не

было фактическихъ доказательствъ справедливости доноса и еслибъ виновные не пожелали добровольно сознаться, судъ былъ-бы вынужденъ приговорить меня къ тяжкому наказанію за клевету».

Многіе изъ судей, находя доводы эти основательными, были расположены оправдать де-Ту, но Ришелье требовалъ вслѣдствіе особыхъ соображеній, чтобъ этотъ несчастный юноша былъ подвергнутъ смертной казни. Одинъ изъ клевретовъ кардинала Лобардемонъ отыскалъ въ архивной пыли декретъ Людовика XI, предписывавшій карать наравнѣ съ главными зачинщиками всѣхъ, кто, зная о договорѣ, не довелъ о немъ безотлагательно до свѣдѣнія правительства. Декретъ этотъ никогда не примѣнялся даже въ царствованіе самого его автора, но это не помѣшало судьямъ подчиниться волѣ кардинала и приговорить де-Ту наравнѣ съ Сенъ-Марсомъ къ обезглавленію.

Враги Ришелье увѣряютъ, будто онъ сказалъ: «Де-Ту-отецъ включилъ мое имя въ свою исторію, я-же включу имя его сына въ мою.» Дѣйствительно въ XXIV книгѣ исторіи, составленной президентомъ де-Ту, говорится о безнравственной жизни Антуана дю-Плесси Ришелье, носившаго прозвище монаха, такъ какъ онъ дѣйствительно былъ разстригой. Несмотря на злопамятность кардинала и мстительный его характеръ, трудно предположить однако, чтобъ Ришелье руководился въ данномъ случаѣ чувствомъ мести. Гораздо правдоподобнѣе допустить, что онъ хотѣлъ казнью де-Ту навести ужасъ на своихъ противниковъ. Самъ кардиналъ въ своихъ мемуарахъ проводитъ ту мысль, что тамъ, гдѣ дѣло идетъ о политическихъ преступленіяхъ, правительство ни подъ какимъ видомъ не можетъ щадить своихъ противниковъ. Отвадить отъ этихъ преступленій можно лишь въ томъ случаѣ, если виновныхъ непремѣнно будетъ постигать строжайшая кара. «Для достиженія такого результата не слѣдуетъ останавливаться даже передъ такими мѣропріятіями, отъ которыхъ могутъ страдать невинные».

Гораздо труднѣе пріискать какое-либо оправданіе образу дѣй-

ствій Ришелье и его опричниковъ въ процессѣ луденскаго каноника Урбана Грандье.

Лобардемонъ, который игралъ видную роль въ большинствѣ судебныхъ убійствъ, запятнавшихъ репутацію великаго кардинала, былъ присланъ въ Луденъ съ порученіемъ слѣдить за срытіемъ тамъ городскихъ укрѣпленій. Разузнавъ черезъ наушниковъ, что Грандье былъ авторомъ появившагося за пятнадцать лѣтъ передъ тѣмъ памфлета, въ которомъ осмѣивались притязанія Ришелье на полученіе десятины съ доходовъ луденскаго аббатства, Лобардемонъ донесъ объ этомъ кардиналу и получилъ отъ него разрѣшеніе проучить памфлетиста надлежащимъ порядкомъ.

Необходимо замѣтить, что остроуміе Грандье создало ему въ самомъ Луденѣ много враговъ. Этимъ только и можно объяснить тотъ странный фактъ, что бѣсноватыя, появившіяся въ луденскомъ монастырѣ урсулинокъ, единогласно объявили, будто бѣсы вселились въ нихъ по приказанію каноника. Злополучный Грандье, убѣжденный въ своей невинности, отказался бѣжать за границу, какъ ему совѣтовали нѣкоторые изъ его пріятелей. Онъ не хотѣлъ даже подчиниться приговору суда инквизиціи, который, признавая несостоятельность главнаго обвиненія противъ каноника, назначилъ однако ему церковное покаяніе за «легкомысленныя рѣчи и поступки». Грандье апеллировалъ противъ этого приговора и дѣло было передано, по приказанію Ришелье, въ судебную коммисію подъ предсѣдательствомъ Лобардемона.

Коммисія эта постановила въ принципѣ, что дьяволъ обязанъ говорить истину, если его заклинаютъ надлежащимъ порядкомъ. Невѣрующимъ въ этотъ тезисъ дано было понять, что ихъ могутъ притянуть и самихъ къ суду въ качествѣ соучастниковъ колдуна, или по меньшей мѣрѣ еретиковъ, позволяющихъ себѣ неуважительно отзываться о католическихъ догматахъ. Угрозы эти привели къ желаемому результату. Никто не осмѣлился выступить на защиту Грандье. Показанія бѣсноватыхъ были признаны имѣющими силу законнаго доказательства. Врачи, назначенные коммисіей, отыскали на тѣлѣ несчастливца мѣста, нечувствительность которыхъ къ

уколу должна была неопровержимо свидѣтельствовать о договорѣ, заключенномъ имъ съ сатаною. На всякій случай признано было умѣстнымъ вывѣсить на всѣхъ перекресткахъ запрещеніе подъ страхомъ тѣлеснаго наказанія и большаго денежнаго штрафа дурно отзываться о судьяхъ, заклинателяхъ и бѣсноватыхъ. Одинъ изъ членовъ коммисіи патеръ Лактанцій, раскаливъ почти до красна чугунное распятіе, подносилъ его къ губамъ Грандье, который разумѣется каждый разъ отдергивалъ голову назадъ. Коммисія занесла въ протоколъ, что колдунъ не посмѣлъ приложиться къ кресту. Грандье даже и подъ пыткой не хотѣлъ сознаться въ сношеніяхъ своихъ съ дьяволомъ, а потому былъ объявленъ нераскаяннымъ грѣшникомъ и присужденъ къ сожженію на кострѣ. Онъ сгорѣлъ живьемъ, такъ какъ на петлѣ, которой долженъ былъ удушить его въ послѣднюю минуту палачъ, оказался узелъ, сдѣланный будто-бы по распоряженію Лобардемона. Весьма вѣроятно, что въ данномъ случаѣ предсѣдатель судебной коммисіи хватилъ черезъ край и зашелъ нѣсколько далѣе, чѣмъ это былъ желательно самому кардиналу.

VI.

Характеръ и частная жизнь кардинала.

Въ государственной своей дѣятельности первый министръ Людовика XIII отличался безжалостной, суровой настойчивостью и мстительностью, доходившей до жестокосердія. Это не мѣшало ему въ частной жизни очаровывать преданныхъ своихъ слугъ и приспѣшниковъ добротой, мягкостью и обходительностью. Когда у него вырывалось по отношенію къ нимъ язвительное замѣчаніе, или грубое слово, или же когда дѣло доходило до побоевъ, кардиналъ всегда обращался самъ къ обиженному со словомъ примиренія. Обыкновенно онъ говорилъ въ такихъ случаяхъ, что человѣкъ въ его положеніи чувствовалъ-бы себя несчастнымъ, если-бы не могъ сорвать на какой нибудь доброй душѣ дурное расположеніе духа, обусловленное запутанностью государственныхъ дѣлъ.

Нерѣдко, подвергаясь припадкамъ мрачной меланхоліи, Ришелье обращался къ окружающимъ съ просьбой «развлечь его, если только это возможно». Поэту Буароберу чаще другихъ удавалось развеселить кардинала. Иногда Ришелье подшучивалъ надъ своими приближенными. Такъ, зная, что канонникъ Мюло сердился, когда его звали «раздавателемъ милостыни его высокопреосвященства», кардиналъ однажды передалъ ему письмо съ такимъ именно адресомъ. Мюло вышелъ изъ себя и сказалъ: «Только дуракъ могъ придумать подобную шутку».—«А что, если сдѣлалъ это я самъ?—спросилъ кардиналъ.—«Меня, признаться, это бы не удивило,—

отвѣчалъ Мюло, Вашему преосвященству вѣроятно не впервые дѣлать глупости».

Въ тѣхъ случаяхъ, когда не помогали шутки и мистификаціи. Ришелье, чтобы разсѣять дурное расположеніе духа, прибѣгалъ къ самымъ утомительнымъ гимнастическимъ упражненіямъ. Герцогъ Граммонъ, заставъ его въ такую минуту, спокойно сбросилъ съ себя кафтанъ и сказалъ: «Готовъ держать пари, что прыгну далѣе вашего преосвященства». Дѣйствительно онъ принялся бѣгать и прыгать въ запуски съ кардиналомъ. Такая находчивость очень понравилась Ришелье, который сталъ послѣ того очень благоволить къ герцогу.

Иногда всемогущій премьеръ испытывалъ странныя галлюцинаціи. Онъ воображалъ себя лошадью и съ громкимъ ржаніемъ бѣгалъ вокругъ билліарда. Въ такихъ случаяхъ приходилось силою укладывать его въ постель, гдѣ по прошествіи нѣкотораго времени онъ приходилъ въ себя.

Памфлеты враждебнаго лагеря упрекали кардинала въ распущенности нравовъ и безъ сомнѣнія взвели на него не мало небылицъ. Въ числѣ его любовницъ называли, между прочимъ, герцогиню Шеврезъ, Нинонъ де-Ланкло и даже Валуа, дочь герцога Орлеанскаго. Ришелье очень заботился о соблюденіи внѣшнихъ приличій и положительно щеголялъ своей набожностью. Онъ исповѣдывался и причащался каждое воскресенье, если только тому не препятствовало состояніе его здоровья и всякій разъ умилялся духомъ такъ, что на глазахъ его блистали слезы. Впрочемъ, обладая большими сценическими способностями, какъ говорила про него Марія Медичи, онъ могъ плакать разъ по пятнадцати въ день. Вообще кардиналъ дорожилъ репутаціей ревностнаго католика и усердно выполнялъ свои религіозныя обязанности. Онъ очень любилъ священнодѣйствовать и обыкновенно по большимъ праздникамъ самъ служилъ литургію. Зачастую дома въ два или три часа онъ молился въ присутствіи своего духовника, священника, камерднера, нѣсколькихъ офицеровъ, тѣлохранителей и слугъ. Молитва эта длилась около получаса. При всей своей вѣротерпимости

Ришелье считалъ долгомъ интересоваться обращеніемъ еретиковъ и, какъ говорятъ, жертвовалъ изъ личныхъ своихъ средствъ большія суммы на миссіонерскую пропаганду.

Кардиналъ нерѣдко выставлялъ на видъ королю свое безкорыстіе. Дѣйствительно онъ не запятналъ себя низкимъ сребролюбіемъ и въ критическія минуты неоднократно помогалъ государству деньгами. Тѣмъ не менѣе результаты такого безкорыстія были для него не особенно убыточными. Онъ завѣщалъ своимъ родственникамъ громадное состояніе, оставилъ королю крупную сумму (въ 600,000 рублей) и построилъ нѣсколько великолѣпныхъ дворцовъ. Одинъ изъ нихъ «Пале-Кардиналь» названный впослѣдствіи «Пале-Роялемъ» по завѣщанію Ришелье перешелъ въ собственность короля вмѣстѣ съ золотой церковной утварью, украшенной алмазами, серебрянымъ буфетомъ чеканной работы и крупнымъ брилліантомъ, купленнымъ у Лопеца.

Кардиналъ Ришелье любилъ дѣлать подарки и вообще отличался благотворительностью. Такъ, онъ ежемѣсячно отпускалъ своему священнику 1,000 рублей для раздачи бѣднымъ и охотно увеличивалъ эту сумму, когда она оказывалась недостаточной. Кромѣ того камергеръ, обыкновенно сопровождавшій кардинала, долженъ былъ всегда держать наготовѣ крупную сумму денегъ для раздачи нищимъ, попадавшимся на дорогѣ. Въ ежегодный бюджетъ кардинала входили также крупныя пожертвованія благотворительнымъ учрежденіямъ. Окружая себя величайшимъ блескомъ и пышностью, Ришелье содержалъ громадный штатъ прислуги, многочисленный отрядъ тѣлохранителей и большую свиту, въ которой насчитывалось до 25 пажей. Содержаніе этихъ молодыхъ людей стоило очень дорого, такъ какъ они получали самое тщательное воспитаніе и образованіе.

Несмотря на весьма слабое здоровье, Ришелье чрезвычайно много работалъ и входилъ во всѣ подробности государственнаго управленія. Не мало времени затрачивалось у него также на литературные труды, театръ, надзоръ за постройками, выполненіе

религіозныхъ обязанностей и аудіенціи. Онъ работалъ днемъ и ночью, довольствуясь лишь немногими часами сна.

Обыкновенно онъ ложился спать часовъ въ 11, но черезъ три или четыре часа опять уже вставалъ и принимался за работу. Особенно важныя бумаги Ришелье писалъ иногда самъ, но въ большинствѣ случаевъ диктовалъ секретарю, постель котораго стояла тутъ-же въ спальнѣ. Проработавъ часа три, кардиналъ снова ложился и спалъ до семи или до восьми часовъ утра. Проснувшись, онъ тотчасъ-же послѣ утренней молитвы звалъ къ себѣ секретарей и вручалъ имъ для переписки доклады и замѣчанія, набросанные ночью начерно. Если въ числѣ этихъ бумагъ находились важные документы, Ришелье приказывалъ переписывать ихъ въ своемъ присутствіи, назначая при этомъ секретарю опредѣленный срокъ для окончанія работы. Это дѣлалось изъ опасенія, чтобы секретарь не успѣлъ снять другой копіи съ документа. Затѣмъ кардиналъ одѣвался и принималъ министровъ, съ которыми работалъ до 10 или 11 часовъ. Остальное время до обѣда Ришелье проводилъ въ домовой церкви и слушалъ литургію. По окончаніи ея онъ обыкновенно успѣвалъ еще раза два обойти садъ, гдѣ принималъ ожидавшихъ его просителей.

Послѣ обѣда кардиналъ проводилъ нѣкоторое время въ дружеской бесѣдѣ съ гостями. Остатокъ дня посвящался государственнымъ дѣламъ, или же пріему и посѣщенію иностранныхъ пословъ и другихъ именитыхъ лицъ. Вечеромъ Ришелье еще разъ прогуливался по саду, отчасти для моціона, отчасти-же для того, чтобъ выслушать просителей, неуспѣвшихъ представиться ему утромъ. Послѣ прогулки онъ, если только этому не препятствовали особенно важныя дѣла, позволялъ себѣ маленькій отдыхъ въ обществѣ друзей и домашнихъ, съ которыми держалъ себя очень просто и фамильярно. День заканчивался молитвой, длившейся около получаса.

Любовь къ блеску и представительности выражалась у Ришелье также постройкой многочисленныхъ дворцовъ. Они въ большинствѣ случаевъ отличались художественной архитектурой и

роскошнымъ внутреннимъ убранствомъ. Вначалѣ политической своей карьеры кардиналъ довольствовался скромнымъ отелемъ на Королевской площади, но уже въ 1626 году Марія Медичи подарила своему фавориту «Малый Люксембургъ», гдѣ онъ и жилъ до окончанія постройки «Пале Кардиналя». Въ 1638 г. Ришелье подарилъ Малый Люксембургъ своей племянницѣ, Комбале.

Въ роскошныхъ салонахъ этого отеля собирались у нея сливки тогдашняго парижскаго общества, придворные сановники и завсегдатаи знаменитаго отеля Рамбулье. Люксембургъ не удовлетворялъ однако требовательному вкусу кардинала и къ тому-же находился слишкомъ далеко отъ королевской резиденціи — Лувра. Поэтому уже въ 1629 году Ришелье началъ строить Пале-Кардиналь. Скупая сосѣдніе участки, онъ неожиданно наткнулся на домовладѣльца, который ни за что не хотѣлъ разставаться съ прадѣдовскими хоромами. Угрозы и обѣщанія агентовъ, которыхъ подсылалъ къ нему всемогущій министръ, оставались тщетными. Тогда кардиналъ распорядился зачислить неподатливаго домовладѣльца въ разрядъ наиболѣе состоятельныхъ гражданъ, съ которыхъ взимались въ казну добавочныя подати. Мѣра эта оказала ожидаемое дѣйствіе и сломила сопротивленіе упрямаго домохозяина. Постройкой Пале Кардиналя завѣдывалъ одинъ изъ знаменитѣйшихъ тогдашнихъ архитекторовъ Лемерсье. Современники отзывались съ единодушнымъ восторгомъ объ изяществѣ и пышности новой резиденціи кардинала. Большинство галлерей, залъ и кабинетовъ этого дворца были украшены фресками и картинами лучшихъ тогдашнихъ художниковъ. Современники особенно восторгались театральной залой и галлереей героевъ, убранной бюстами и портретами людей, прославившихся въ исторіи Франціи. Это великолѣпное зданіе было тотчасъ по своемъ окончаніи подарено королю съ тѣмъ, чтобы званіе дворцоваго коменданта оставалось наслѣдственнымъ въ родѣ Ришелье. Будущимъ герцогамъ Ришелье предоставлено было въ Пале Кардиналь особое помѣщеніе. Кромѣ этихъ двухъ дворцовъ (Малаго Люксембурга и Пале Рояля) Ришелье принадлежали еще замки Лемуръ, Флери и

Буа-ле-Викомтъ. Впослѣдствіи онъ построилъ еще отель Ришелье и пріобрѣлъ Рюельскій замокъ, который значительно увеличилъ и украсилъ. Вообще кардиналъ былъ охотникъ до переѣздовъ изъ одной резиденціи въ другую. Ему рѣшительно не сидѣлось на мѣстѣ. Эта черта его характера не ускользнула отъ современниковъ. Про Ришелье говорили: «Stare loco nesciebat» (у него нѣтъ постояннаго мѣста). Замокъ Рюель, одно изъ любимѣйшихъ резиденцій кардинала, находился на полупути между Лувромъ и Сенъ-Жерменомъ, вслѣдствіе чего король часто посѣщалъ его, отправляясь на охоту. Этотъ великолѣпный дворецъ во время революціи былъ разрушенъ до основанія. Особенно славился онъ роскошными оранжереями и прекраснымъ паркомъ, послужившимъ впослѣдствіи образцомъ для версальскаго парка. Многочисленные гроты, арки, каскады, бассейны и каналы придавали рюельскому парку волшебный видъ. Послѣдній изъ дворцовъ, построенныхъ премьеромъ, отель Ришелье, передѣланный изъ небольшого дома, доставшагося ему по наслѣдству отъ отца, превосходилъ роскошью и великолѣпіемъ всѣ остальныя сооруженія и стоилъ громадныхъ денегъ. Кардиналъ слѣдилъ съ величайшимъ интересомъ за постройкой, но ему суждено было умереть раньше окончанія этого отеля. Во время революціи отель Ришелье былъ конфискованъ, а находившіяся въ немъ драгоцѣнныя произведенія искусства частью проданы или взяты въ казну, частью-же брошены безъ вниманія. Вообще дворцы кардинала изобиловали произведеніями искусствъ, такъ какъ Ришелье былъ усерднымъ коллекціонеромъ картинъ, бюстовъ, медалей, бронзовыхъ и фарфоровыхъ вещицъ, античной мебели, мозаики, драгоцѣнныхъ камей, рѣдкихъ книгъ и рукописей. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ заказывалъ много картинъ извѣстнѣйшимъ современнымъ ему французскимъ художникамъ, преимущественно-же Филиппу де Шампань.

Наиболѣе богатыя библіотеки имѣлись у Ришелье въ Пале-Кардиналѣ и въ отелѣ Ришелье. Основаніемъ для первой изъ нихъ послужила городская библіотека, доставшаяся кардиналу послѣ взятія Ла Рошели.

— Какъ вы думаете, что именно доставляетъ мнѣ болѣе всего удовольствія? спросилъ какъ-то разъ Ришелье у одного изъ своихъ литераторовъ, Демара.

— Дѣятельность на пользу и счастіе Франціи.

— Нѣтъ-съ, сочиненіе стиховъ, возразилъ кардиналъ.

Дѣйствительно кардиналъ считалъ себя недюжиннымъ писателемъ и ставилъ свои стихи несравненно выше государственныхъ своихъ заслугъ. Однако современники и потомство признали эту самооцѣнку ошибочной. Проза Ришелье отличается правда выразительностью и чистотой стиля, но склонность къ напыщеннымъ оборотамъ и злоупотребленіе фигуральными выраженіями утомляетъ вниманіе читателя. Тщательно исправляя все исходившее изъ подъ его пера, онъ обращалъ вниманіе тоже на орѳографію, съ которой современные ему вельможи обращались очень безцеремонно. Кромѣ того, прежде чѣмъ выпустить въ свѣтъ свои литературныя произведенія, Ришелье отдавалъ ихъ для просмотра состоявшимъ у него на службѣ писателямъ: Демаре, Годо, Шапелену, шартрскому епископу Леско и др. Изъ прозаическихъ произведеній Ришелье дошли до насъ его «Записки», «Политическое Завѣщаніе», религіозныя сочиненія и многія письма.

«Мемуары» кардинала и его письма имѣютъ важное значеніе для исторіи царствованія Людовика XIII. Существуетъ предположеніе, что «Мемуары» составлялись приближенными Ришелье, на основаніи указанныхъ имъ матеріаловъ. Предназначенныя для восхваленія дѣятельности самого кардинала, они не отличаются безпристрастіемъ въ изложеніи событій и характеристикъ. Такъ, напримѣръ, въ первой части «Мемуаровъ», озаглавленной: «Исторія матери и сына», авторъ зачастую уклоняется отъ истины, съ цѣлью очернить коннетабля де-Люина. Въ нихъ вкралось, вообще, такъ много фактическихъ погрѣшностей, что утверждали даже, будто самъ Ришелье не успѣлъ ихъ прочитать и провѣрить. Съ литературной точки зрѣнія, «Мемуары» кардинала оказываются тоже неудовлетворительными, такъ какъ представляютъ собою плохую компиляцію писемъ и документовъ. Изрѣдка встрѣчающіяся въ нихъ

мастерскія характеристики и картины не искупаютъ общей водянистости и тяжеловѣсности. Слѣдуетъ замѣтить также, что «Мемуары» ограничиваются изложеніемъ событій за время министерства Ришелье и не проливаютъ почти никакого свѣта на его частную жизнь. Замѣчательнѣйшимъ изъ прозаическихъ произведеній кардинала слѣдуетъ признать его «Политическое завѣщаніе», слогъ котораго отличается точностью и выразительностью. Въ этомъ завѣщаніи трактуется о самыхъ разнообразныхъ предметахъ, о духовенствѣ, монастыряхъ, повиновеніи которое слѣдуетъ оказывать напѣ, объ искусствахъ и народномъ образованіи, о дворянствѣ и среднемъ сословіи, о судахъ и ихъ недостаткахъ, о народѣ, королѣ и его совѣтникахъ. Цѣлыя главы посвящаются арміи, флоту, торговлѣ и политико-экономическимъ соображеніямъ. Авторъ всюду строго придерживается точки зрѣнія самодержавія, разумно и добросовѣстно относящагося къ выполненію своего долга. Труды Ришелье по религіознымъ вопросамъ представляютъ извѣстный интересъ для спеціалистовъ и были весьма тщательно изданы племянницей кардинала въ 1641 году.

Ришелье былъ однимъ изъ лучшихъ современныхъ ему ораторовъ. Рѣчи его въ парламентѣ и въ собраніи нотаблей имѣли обыкновенно дѣловой характеръ. Талантливый премьеръ излагалъ въ нихъ ясно и вразумительно сущность своей политики и причины, побуждавшія его къ тому или другому образу дѣйствій.

Изъ поэтическихъ произведеній, вышедшихъ подъ фирмою кардинала, нѣкоторой извѣстностью пользовались театральныя пьесы: «Большая пастораль», «Смирнскій слѣпой», «Европа» и «Мирамъ». Собственно говоря, Ришелье принадлежалъ въ нихъ только общій планъ и нѣкоторыя отдѣльныя сцены. Остальное писали по указанію кардинала, состоявшіе при его особѣ поэты: Буароберъ, Летуаль, Колленъ, Ротру и Корнель. Сценическая постановка этихъ пьесъ и выполненіе ихъ въ пале-кардинальской театральной залѣ въ присутствіи короля, членовъ королевской фамиліи и придворныхъ вельможъ были недурны, но самыя пьесы оказывались, съ художественной точки зрѣнія, крайне посредственными. Правда,

что автора «Мирамъ» привѣтствовали каждый разъ восторженными бурными рукоплесканіями, но въ искренность ихъ никто, кромѣ самого Ришелье, повидимому, не вѣрилъ. По словамъ очевидцевъ, онъ проявлялъ къ этой пьесѣ, написанной при содѣйствіи пятерыхъ сотрудниковъ, истинно отеческую нѣжность. Аплодисменты приводили его въ неописуемый восторгъ. Нѣсколько разъ онъ привставалъ въ ложѣ, чтобъ показаться публикѣ. Случалось также, что онъ самъ указывалъ зрителямъ особенно удачныя, по его мнѣнію, мѣста пьесы. Приведемъ вкратцѣ ея содержаніе: Мирамъ — дочь Виоанскаго царя—любитъ Аримана, который отвѣчаетъ ей взаимностью. Не надѣясь получить согласія на бракъ съ царскою дочерью, Ариманъ замышляетъ ее похитить, но его арестуютъ и онъ въ припадкѣ отчаянія приказываетъ рабу пронзить его мечемъ. Мирамъ, рѣшившаяся послѣдовать въ могилу за своимъ возлюбленнымъ, обманываетъ бдительность отца, притворно соглашаясь на бракъ съ Азаморомъ царемъ фригійскимъ, но въ то-же время проситъ свою наперсницу Альмиру достать ей яду. Виоанскій царь, не подозрѣвая ужасающей катастрофы, поздравляетъ Азамора съ благопріятной перемѣной въ чувствахъ Мирамъ. Вдругъ распространяется слухъ о кончинѣ принцессы. Оказывается однако, что Альмира дала ей вмѣсто яду сонныхъ капель. Прежде, чѣмъ отецъ и женихъ успѣваютъ излить свое огорченіе и скорбь, они узнаютъ, что Мирамъ только спитъ. Вслѣдъ затѣмъ обнаруживается, что Ариманъ не убитъ, а только раненъ, и что онъ доводится роднымъ братомъ фригійскому царю. Благодаря такому счастливому стеченію обстоятельствъ, пьеса заканчивается соединеніемъ любящихъ сердецъ.

Современники утверждали, будто Ришелье позволилъ себѣ въ Мирамѣ намекнуть на любовь Анны Австрійской къ англійскому послу герцогу Букингэму. Особенно прозрачными находили стихи:

Je me sens criminelle, aimant un etranger,
Qui met pour mon amour cet état en danger.

(Я чувствую себя преступной, такъ какъ отдала сердце ино-

странцу, который изъ любви ко мнѣ подвергаетъ отечество мое опасности).

Представленная въ 1639 году на сценѣ театра Мондори, трагедія Корнеля «Сидъ» сразу завоевала себѣ общія симпатіи. Кардиналъ отнесся очень недоброжелательно къ пьесѣ своего соперника и всячески старался уронить ее въ общественномъ мнѣніи. Французская академія въ угоду своему основателю, отозвалась далеко не лестно объ этой образцовой трагедіи. Корнель, продолжавшій получать денежныя пособія отъ Ришелье, не могъ забыть гоненія на «Сида» и послѣ смерти премьера написалъ стихотвореніе, оканчивавшееся слѣдующими словами:

Qu'on parle bien ou mal du fameux cardinal,
Ma prose ni mes vers n'en diront jamais rien:
Il m'a fait trop de bien pour en dire du mal,
Il m'a fait trop de mal pour en dire du bien.

(Чтобы ни говорили хорошаго или дурного о кардиналѣ, я не скажу о немъ ничего ни въ прозѣ, ни въ стихахъ. Онъ сдѣлалъ мнѣ слишкомъ много добра, чтобы я могъ говорить о немъ дурно и слишкомъ много зла, чтобы я сталъ отзываться о немъ хорошо).

Надо полагать, что кромѣ авторскаго самолюбія кардиналъ Ришелье руководился въ отношеніяхъ къ «Сиду» также и соображеніями чисто политическаго свойства. Трагедія, изображавшая въ симпатичномъ видѣ характеры испанцевъ, появилась какъ-разъ во время объявленія имъ Франціей войны. Къ тому-же авторъ трагедіи отнесся весьма сочувственно къ поединкамъ, воспрещеннымъ королевскимъ декретомъ подъ страхомъ смертной казни. При такихъ обстоятельствахъ кардиналъ могъ усмотрѣть въ «Сидѣ» опасный протестъ противъ своей политики. По крайней мѣрѣ Мишле объясняетъ гоненіе на «Сида» именно этими соображеніями.

Героическая комедія «Европа», являвшаяся аллегоріей на тогдашнія политическія событія и поставленная на сценѣ палекардинальскаго театра въ 1642 году, была послѣднимъ поэтическимъ произведеніемъ Ришелье.

Великому кардиналу принадлежитъ честь оффиціальнаго учрежденія Французской Академіи. Еще съ 1629 года организовался кружокъ лицъ, принадлежавшихъ къ числу наиболѣе образованныхъ людей своего времени; члены этого кружка условились собираться по вечерамъ въ опредѣленномъ мѣстѣ. На собраніяхъ читались новѣйшія литературныя произведенія, причемъ каждый свободно высказывалъ свое мнѣніе о прочитанномъ. Вечеръ завершался обыкновенно прогулкой или ужиномъ. Года четыре спустя слухъ объ этихъ собраніяхъ дошелъ чрезъ поэта Буаробера до Ришелье. Кардиналъ предложилъ кружку преобразоваться изъ частнаго учрежденія въ общественное. Послѣ нѣкотораго колебанія предложеніе это было принято и по ходатайству кардинала Людовикъ XIII въ январѣ 1635 года утвердилъ особою граммотой уставъ Французской Академіи. Весьма вѣроятно, что Ришелье имѣлъ при этомъ въ виду заручиться симпатіями кружка литераторовъ и вліять такимъ путемъ на общественное мнѣніе. Съ подобной-же цѣлью основана была въ 1631 году еженедѣльная «Gazette de France». Первымъ редакторомъ-издателемъ ея оффиціально числился врачъ Renodo, настоящими же ея руководителями были самъ Людовикъ XIII и его премьеръ, являвшійся главнымъ редакторомъ и дѣятельнѣйшимъ сотрудникомъ газеты.

Ришелье вообще не отличался крѣпкимъ здоровьемъ. Въ дѣтствѣ онъ страдалъ лихорадкою, а въ юношествѣ головными болями отъ чрезмѣрнаго умственнаго труда. Ставъ у кормила правленія, онъ усердно занимался государственными дѣлами, не взирая на слабость своего съ каждымъ днемъ все ухудшавшагося здоровья. Мучительные нарывы, ревматизмы и лихорадки почти не давали ему покоя, а съ 1632 года у него обнаружилась еще каменная болѣзнь. Онъ продолжалъ однако работать съ изумительной энергіей, по поводу которой появилась въ «Gazette de France» слѣдующая замѣтка: «Враги Франціи не знаютъ, выгодпѣе-ли для нихъ имѣть дѣло съ здоровымъ или-же съ больнымъ ми-

нистромъ». Въ 1634 году ревматическія опухоли усилились и къ нимъ присоединился геморрой, отъ котораго лечили тогда обильными кровопусканіями. Въ іюнѣ 1635 года ревматизмъ кинулся на челюсти и вмѣстѣ съ тѣмъ у кардинала проявились опасные припадки уреміи. Вслѣдствіе упадка силъ онъ могъ путешествовать только въ носилкахъ. «У меня самое слабое и чувствительное тѣло на свѣтѣ», жаловался Ришелье своимъ приближеннымъ. Тѣмъ не менѣе онъ занимался государственными дѣлами съ удвоеннымъ усердіемъ, болѣе чѣмъ когда-либо необходимымъ, такъ какъ болѣзнь премьера совпала съ объявленіемъ войны испанцамъ. Нѣсколько времени спустя упадокъ силъ дошелъ до того, что кардиналъ не могъ выносить свѣжаго воздуха въ Рюельскомъ паркѣ. Король, озабоченный состояніемъ здоровья перваго министра, неоднократно посѣщалъ его, чтобы совѣтоваться о государственныхъ дѣлахъ. Въ 1642 году во время осады Перпиньяна правая рука Ришелье покрылась множествомъ вредовъ, непозволявшихъ ему даже подписывать бумаги. Въ такомъ состояніи кардиналъ находился съ мая по октябрь. Возвратившись затѣмъ въ Парижъ, онъ впродолженіи нѣсколькихъ недѣль чувствовалъ себя довольно удовлетворительно, но въ декабрѣ сильное воспаленіе легкихъ свело его въ могилу. Чувствуя, что силы его покидаютъ, Ришелье освѣдомился у врачей, сколькими еще часами жизни онъ можетъ располагать. Лейбъ-медикъ Людовика XIII откровенно отвѣтилъ: «Втеченіи этихъ сутокъ ваша высокопреосвященство умрете или выздоровѣете». Кардиналъ выслушалъ этотъ приговоръ совершенно спокойно. Передъ самой кончиной онъ попросилъ свою племянницу герцогиню д'Эгильонъ выйти изъ комнаты, объявивъ присутствовавшимъ, что не хочетъ дѣлать ее свидѣтельницей предсмертной его агоніи*).

Въ 1793 году гробница кардинала подверглась святотатствен-

*) Надѣясь пережить Людовика XIII, Ришелье хотѣлъ передать регентство Аннѣ Австрійской и принцу Конде (сынъ котораго былъ женатъ на его племянницѣ). Съ самой королевой у кардинала установились за послѣднее время довольно сносныя отношенія, такъ что онъ разсчитывалъ во всякомъ случаѣ остаться у кормила правленія.

ному поруганію. Буйная чернь, ворвавшаяся въ склепъ Сорбонской церкви, разломала саркофагъ Ришелье и сорокъ девять другихъ гробовъ и выкинула изъ нихъ прахъ усопшихъ. Замѣшавшійся въ толпу роялистъ, шапочникъ Шеваль, спасъ приэтомъ отъ уничтоженія маску, которою было покрыто лицо кардинала. Шеваль хранилъ ее сперва у себя, а затѣмъ передалъ аббату Арме. Впослѣдствіи она была поднесена Наполеону III, который велѣлъ положить ее въ реставрированную гробницу знаменитаго кардинала. Въ Мазаринской библіотекѣ хранится подъ стекломъ мизинецъ Ришелье. Увѣряютъ, что онъ былъ оторванъ отъ бальзамированнаго трупа какимъ то каменьщикомъ, хотѣвшимъ присвоить себѣ надѣтый на него драгоцѣнный перстень. Палецъ этотъ достался потомъ библіотекарю Раделю, который и пожертвовалъ его въ библіотеку.

Ришелье и послѣ смерти продолжалъ управлять Франціей, такъ какъ Людовикъ XIII предписалъ своему государственному совѣту руководствоваться во внутренней и внѣшней политикѣ программой великаго кардинала. По кончинѣ короля, лишь на полгода пережившаго геніальнаго своего министра, Анна Австрійская, которой пришлось вынести изъ-за Ришелье такъ много непріятностей, имѣла случай короче познакомиться съ государственными дѣлами и отдала тогда справедливость заслугамъ покойнаго. Въ бытность свою королевой-регентшей, она остановилась однажды предъ его портретомъ и сказала въ полголоса: «Еслибъ этотъ человѣкъ не умеръ, онъ пользовался бы теперь большимъ могуществомъ, чѣмъ когда-либо».

Монтескве называлъ Ришелье «негоднѣйшимъ изъ французскихъ гражданъ». Дѣйствительно, благодаря великому кардиналу Людовикъ XIV и его преемники пріобрѣли возможность злоупотреблять властью даже въ большей степени, чѣмъ восточные деспоты, которыхъ все-таки нѣсколько обуздываетъ страхъ постоянно грозящей имъ дворцовой революціи. Тѣмъ не менѣе очевидно, что даже съ національной французской точки зрѣнія нельзя обвинять Ришелье за поддержку, оказанную имъ королевской вла-

сти въ борьбѣ съ эгоизмомъ феодальной аристократіи, угнетавшей всѣ остальные классы населенія и стремившейся расчленить Францію.

Венеціанскій посолъ, въ донесеніи своемъ сенату, писалъ: «Ришелье ниспосланъ былъ Провидѣніемъ, дабы смирить гордыню испанскаго дома и спасти рукою Франціи Европу отъ угрожавшаго ей рабства».

Исторія можетъ только подтвердить эту оцѣнку государственной дѣятельности Ришелье.

Популярно-научныя книги.

Философія Г. Спенсера въ сокращен. изложеніи *Г. Коллинса*. Пер. *П. Мокіевскаго*. Ц. 2 р.
Рабочій вопросъ. *Ф. А. Ланге*. Переводъ съ нѣмецкаго. Ц. 1 р. 25 к.
Законы подражанія. *Тарда*. Ц. 1 р. 50 к
Домашній опредѣлитель поддѣлокъ. *А. Альмедингена*. Ц. 60 коп.
На всякій случай! Научно-практическіе совѣты сельскимъ хозяевамъ. *А. Альмедингена*. Части 1 и 2-я Ц. каждой 50 к.
Бактеріи и ихъ роль въ жизни человѣка. *Мигулы*. Съ 35 рис. Ц. 1 р.
Берегите легкія! Гигіенич. бесѣды д-ра *Нимейера*. Съ 30 рис. Ц. 75 к.
Сохраненіе здоровья. Общая гигіена въ примѣненіи къ обыденной жизни. *Д-ра Эйдама*. Съ 7 рис. Ц. 40 к.
Предсказаніе погоды. *Г. Далле*. Переводъ съ франц. съ 40 рис. Цѣна 1 р. 25 к.
Дарвинизмъ. *Э. Ферьера*. Пер. съ франц. Популярное изложеніе ученія Дарвина. Ц. 60 к.
Жизнь на Сѣверѣ и Югѣ. (Отъ полюса до экватора). *А. Брэма*. Со многими рис. Ц. 2 р.
Первобытные люди. *Дебьера*. Съ многими рисунками. Ц. 1 р
Фабричная гигіена. *В. В. Святловскаго*. 720 стр. и 153 рис. Ц. 4 р.
Огородничество. Практическія наставленія для народн. учителей. *Шубелера*. Съ 137 рис. Ц. 60 к.
Который часъ? *И. Вавилова*. Руководство для повѣрки часовъ безъ часовщика и для устройства солнеч. часовъ Съ 13 рис. Ц. 30 к.
Психологія вниманія. Д-ра *Рибо*. 2 изд. Ц. 40 к.
Записки желудка. Перев. съ 10 анг. изд. Ц. 50 к.
Физіологія души. *А. Герцена*. Ц. 1 р.
Міръ грезъ. *Д-ра Симона*. Сновидѣнія, галлюцинаціи, сомнамбулизмъ, экстазъ, гипнотизмъ, иллюзіи. Перев. съ франц. Ц. 1 р.
Ручной трудъ. *Графингъ*. Руководство къ домашнимъ занятіямъ ремеслами. Съ 400 рис. Ц. 1 р. 50 к. Въ папкѣ 1 р. 75 к. Въ пер.—2 р.
Экстазы человѣка. *М. Пантегацца*. Переводъ съ 5-го итальян. изданія Ц. 1 р. 50 к.
Умственныя эпидеміи. Историко-психіатрич. очерки. *Д-ра Реньяра*. Съ 110 рис. Ц. 1 р. 75 к.
Свѣтъ Божій. Популярные очерки міровѣдѣнія 5-е изд. (60 рис.) Ц. 30 к.
Общедоступная астрономія. *К. Фламмаріона*. 2-е изд. Съ 100 рис. Ц. 1 р.
Телефонъ и его практическія примѣненія *Майера* и *Присса*. Съ 293 рис. Ц. 2 р. 50 к.
Электрическіе элементы. Соч. *Hioge*. Со многими рисунками. Ц. 2 р.
Электр. аккумуляторы. *Ренье*. Съ 76 рис. Ц. 1 р. 25 к.
Электрическое освѣщеніе. Составилъ *В. Чиколева*. Съ 151 рис. Ц. 2 р. 50 к.
Чудеса техники и электричества *Чиколева* 30 к.
О безопасности электрическаго освѣщенія. *В. Чиколева*. Съ 6-ю рисунками. Ц. 25 к
Электричество и магнитизмъ. *А. Гано* и *Ж. Маневрье*. 340 рис. Ц. 1 р. 50 коп.
Популярныя лекціи объ электричествѣ и магнитизмѣ. *Хвольсона*. Съ 230 рис. Ц. 2 р.
Главнѣйшія приложенія электричества. *Э. Госпиталье*. Съ 115 рис. 2-е изд. Ц. 2 р. 50 к.
Электричество въ домашнемъ быту. *Э. Госпиталье*. Со множествомъ рис. Ц. 2 р.
Электрическіе звонки. *Боттона*. Съ крат. свѣдѣніями о воздуш. звонкахъ. 114 рис. Ц. 1 р.
Что сдѣлалъ для науки Ч. Дарвинъ? Съ портретомъ Дарвина. Ц. 75 к.
Психологія великихъ людей. Проф. *Жоли*. Пер. съ франц. 2-е изд. Ц. 1 р.
Соціальная жизнь животныхъ. *Эспинаса*. Пер. съ франц. *Ф. Павленкова*. 2-е изд. Ц. 2 р. 50 к.
Единство физическихъ силъ. Опытъ популярно-научной философіи. *А Секки*. Перев. съ франц. *Ф. Павленкова*. 3-е изд. Ц. 2 р. 50 к.
Частная медицинская діагностика. Руководство для прак. врачей. Составилъ проф. *Да-Коста*. 704 стр. съ 43 рис. 2-е изд. Ц. 2 р.
Современные психопаты. Д-ра *А. Кюллера*. Переводъ съ франц. Ц. 1 р. 50 к.
Геніальность и помѣшательство. *Ц. Ломброзо* Съ портретомъ автора и рис. 2-е изд. Ц. 1 р.
Вредныя полевыя насѣкомыя. Сост. *Иверсенъ*. Съ 43 рис. Ц. 80 к.
Эйфелева башня. Состав. *Г. Тисандье*. Съ 34 рисун. Ц. 50 к.
Хлѣбный жукъ. Чтеніе для народа, съ 3 рис. Бар. *Н. Корфа*. Ц. 10 к.
Воздушное садоводство. *Н. Жуковскаго*. Съ 73 рис. 2-е изд. Цѣна 60 коп.
Школьный садоводъ. Объ устройствѣ при сельскихъ школахъ питомниковъ и способахъ обученія первымъ началамъ садоводства. *А. Волотовскаго*. Ц. 20 к.
Азбука домоводства и домашней гигіены. Состав. *М. Клима*. Пер. *Н. Корфъ*. Ц. 75 к.
Гигіена семьи. *Гебера*. Ц. 50 к.
Гигіена женщины. *М. Тило*. Ц. 40 к.

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ЛЕРМОНТОВСКАЯ БИБЛІОТЕКА.

1) **Демонъ.** Съ 9 рис. Ц. 6 к.—2) **Ангелъ Смерти.** Съ 5 рис. Ц. 3 к.—3) **Измаилъ-Бей.** Съ 9 рис. Ц. 10 к.—4) **Хаджи-Абрекъ.** Съ 5 рис. Ц. 3 к.—5) **Бояринъ Орша.** Съ 7 рис. Ц. 4 к.—6) **Пѣсня про купца Калашникова.** Съ 7 рис. Ц. 3 к.—7) **Мцыри.** Съ 7 рис. Ц. 4 к.—8) **Аулъ Бастунджи.** Съ 5 рис. Ц. 3 к.—9) **Литвинка.** Съ 5 рис. Ц. 3 к.—10) **Каллы.** Съ 3 рис. Ц. 2 к.—11) **Кавказскій плѣнникъ.** Съ 3 рис. Ц. 3 к.—12) **Корсаръ.** Съ 3 рис. Ц. 2 к.—13) **Черкесы.** Съ 5 рис. Ц. 2 к.—14) **Джуліо.** Съ 3 рис. Ц. 3 к.—15) **Казначейша.** Съ 5 рис. Ц. 4 к.—16) **Герой нашего времени.** Съ 23 рис Ц. 25 к.—17) **Бэла.** Съ 9 рис. Ц. 8 к.—18) **Тамань.** Съ 5 рис. Ц. 3 к.—19) **Княжна Мери.** Съ 9 рис Ц. 12 к.—20) **Фаталистъ.** Съ 3 рис. Ц. 2 к.—21) **Призракъ.** Съ 3 рис. Ц. 3 к.—22) **Маскарадъ.** Съ 5 рис. Ц. 10 к.—23) **Испанцы.** Съ 5 рис. Ц. 10 к.—24) **Ашикъ-Керибъ.** Съ 5 рис. Ц. 2 к.—25) **Княгиня Лиговская.** Романъ. Съ 5 рис. Ц. 8 к.—26) **Люди и страсти.** Трагедія. Съ 5 рис. Ц. 8 к.—27) **Странный человѣкъ.** Романтическая драма. Съ 5 рис. Ц. 8 к.—28) **Два брата.** Драма. Съ 5 рис. Ц. 5 к.—29) **Всѣ баллады и легенды.** Съ 3 рис. Ц. 5 к.—30) **Повѣсти изъ современной жизни.** Съ 9 рис. Ц. 7 к.

Учебныя руководства и пособія.

Алгебра. *Тодвентера.* Ц. 2 р. 50 к.
Курсъ начальной механики. *И. Рыкачева.* Съ 197 рис. Ц. 1 р. 50 к.
Практическая геометрія. *А. Заблоцкаго.* Съ 300 чертежами. Цѣна 60 к.
Курсъ метеорологіи и климатологіи. Профессора Лѣсного Института. *Д. А. Лачинова.* Съ 122 рис. и 6-ю картами. Цѣна 2 р.
Общія основы химической технологіи. *В. Селезнева.* Съ 70 рисунками. Ц. 1 р. 50 к.
Полный курсъ физики. *А. Гано.* Переводъ *Ф. Павленкова* и *В. Черкасова.* 8-е изд. съ 1215 рис., 170 задачъ, 2 таблицы спектровъ, метеорологія и краткая химія. Цѣна 4 р.
Популярная физика. *А. Гано.* Переводъ съ франц. *Ф. Павленкова,* 3-е изд. Съ 604 рис. Ц. 2 р.
Краткая физика. *М. Герасимова.* Съ 335 рис. и 214 задачами. Цѣна 1 р.
Популярная химія. *Н. Вальберха* и *Ф. Павленкова.* 3-е изд. Съ 50 рис. Ц. 40 к.
Учебникъ химіи. *Альмединген*а съ 96 рис. Ц. 2 р.
Общепонятная геометрія. *В. Потоцкаго.* Съ 143 фиг. Ц 40 к
Практическій курсъ физіологіи. *Бурдонъ Сандерсона.* Переводъ д-ра *Фридберга.* Въ 2-хъ томахъ, со мног. рис. 2-е изд. Ц. 3 р.
Методика ариѳметики. *С. Житкова.* Ц. 75 к.
Сборникъ ариѳметическихъ задачъ съ учителемъ. Приложеніе къ „Методикѣ ариѳметики". *С. Житкова.* 3-е изд. Ц. 40 к.
Сборникъ самостоятельныхъ упражненій по ариѳметикѣ. Задачникъ для учениковъ. *С. Житкова.* 3-е изд. Ц. 25 к.
Учебникъ географіи для городскихъ училищъ. *И. Плетенева.* Съ рис. Ц. 30 к.
Начальный курсъ географіи. *Корнеля.* 11-е изд., съ 10-ю раскрашенными карт. и 82 рис. Ц. 1 р. 25 к.
Эпизодическій курсъ всеобщей исторіи. *А. Кузнецова.* 2-е изданіе. Цѣна 1 р.
Наглядная азбука. *Ф. Павленкова.* Съ 800 рис. 12-е изд. Ц. 20 к.
Объясненіе къ „Наглядной азбукѣ". *Ф Павленкова.* 7-е изд. Цѣна 15 к.
Родная азбука. *Ф. Павленкова,* 8-е изд., съ 200 рис. Ц. 5 к.
Азбука-копѣйка. *Ф. Павленкова,* 11-е изд., 12 стр. 100 рис. Ц. 1 к.
Наглядно-звуковыя прописи. *Ф. Павленкова.* 1) Къ „Родному слову" Ушинскаго (400 рис.) 2) Къ „Азбукѣ Бунакова" (460 рис.) 3) Къ „Первой учебной книжкѣ" Паульсона (430 рис.). 4) Къ „Русской азбукѣ" Водовозова (470 рис.). 5) „Общія наглядно-звуковыя прописи" (къ 5 другимъ азбукамъ) (464 рис.). Ц. каждой книжки 8 к.
Самостоятельныя работы въ начальной школѣ. *Т. Лубенца.* 2-е допол. изд. Ц. 15 к.
Зернышко. *Т. Лубенца.* Первая послѣ азбуки книга для чтенія и письма. Со многими рис. Ц. 30 к. Вторая книга Ц. 40 к.
Руководство къ „Зернышку" *Лубенца.* Ц. 50 к.
Методика ариѳметики. *Т. Лубенца.* Ц. 30 к.
Церковно-славянскій букварь. *Лубенца.* Ц. 5 к.
Руководство къ „Церковно-славянскому букварю". *Т. Лубенца.* Ц. 15 к.
Сборникъ ариѳметическихъ задачъ. *Лубенца.* 11-е изд. (около 2000 задачъ и 3000 численныхъ примѣровъ). Ц. 40 к.
Руководитель для воскресныхъ школъ. Барона *Н. А. Корфа.* Ц. 50 к.
Итоги народнаго образованія въ Европейскихъ государствахъ. *Н. А Корфа.* Ц. 60 к.
Нашъ другъ. Книга для чтенія въ школѣ и дома. Составилъ *Баронъ Н. А. Корфъ.* 15-е изд. съ 200 рис. и порт. Ц. 75 к.
Триста письменныхъ работъ. Для упражненій въ начальной школѣ. *Н. Корфа.* Ц. 15 к.
Первоначальное правописаніе. 40 диктовокъ съ указаніемъ грам. правилъ. *Корфа.* Ц. 12 к.
Русскій языкъ. Иллюстрированная хрестоматія *А. Тарнавскаго.* (Съ 80 рис. и портретами). 4-е изд. Ц. 60 к.
Элементарная грамматика русскаго языка. *А. Чудинова.* 5-е изд. Ц. 50 к.
Начальная рус. грамматика. *Бучинскаго.* Ц. 30 к.
Книга для обученія церковно-славянскому языку. *А. Карюкова.* 2-е изд. Ц. 20 к. „Замѣтки для учителя". Ц. 10 к.
Русское слово. *А. Павлова* Сборникъ образцовыхъ произведеній рус. словесности. Руководство для городскихъ училищъ Ц. 1 р.
Руководство къ „Рус. слову". *Его-же.* Ц. 60 к.
Сборникъ задачъ по русскому правописанію. *Разыграева:* 1) Элементарныя свѣд. о правоп. словъ. Ц. 50 к. 2) Систематическія свѣд. о правоп. словъ. Ц. 50 к. 3) Элемент. свѣдѣнія о знакахъ препинанія. Ц. 35 к. 4) Систем. свѣдѣнія о знакахъ препинанія. Ц. 35 к.
Сборникъ алгебр. задачъ. *Савицкаго.* Ц. 40 к.
Первое знакомство съ физикой. *М. Герасимова.* Съ 96 рис. Ц. 50 к.
Дешевый географическій атласъ. Десять раскрашен. картъ. Ц. 30 к.
Очерки новѣйшей исторіи. *И. И. Григоровича.* 6-е изд. Съ 57 портретами. Ц. 2 р.
Первыя понятія о зоологіи. *Поля Бера.* Переводъ подъ редакціей проф. *И. Мечникова.* 2-е изд. Съ 345 рис. Ц. 1 р. Въ папкѣ 1 р. 20 к. въ перепл. 1 р. 50 к.
Крат. курсъ ботаники. *Сѣязова.* 118 рис. Ц. 50 к.
Общедоступное землемѣріе. *А. Колтановскаго.* Съ 279 рисунк. въ текстѣ. Ц. 75 к.
Руководство къ рисованію акварелью. *А. Лакассаня.* Съ 120 рис. и 6-ю аквар. Ц. 1 р. 50 к.

ПОПУЛЯРНО-НАУЧНАЯ БИБЛІОТЕКА,

1) **Экстазы человѣка.** *П. Мантегацца.* Въ 2-хъ частяхъ Ц. 1 р. 50 к.; 2) **Психологія вниманія.** Д-ра *Рибо.* Ц. 40 к.; 3) **Берегите легкія!** Гигіеническія бесѣды д-ра *Нимейера.* Съ 30 рис. Ц. 75 к.; 4) **Современные психопаты,** д-ра *А. Кюллера.* Ц. 1 р. 50 к.; 5) **Предсказаніе погоды.** *А. Далле.* съ рис. Ц. 1 р. 25 к.; 6) **Физіологія души.** *А. Герцена.* Ц. 1 р.; 7) **Психологія великихъ людей.** *Г. Жоли.* 2-е изд. Ц. 1 р; 8) **Дарвинизмъ.** *Э. Ферьера.* Общедоступное изложеніе идей Дарвина. Ц. 60 к; 9) **Міръ грезъ.** Д-ра *Симона.* Сновидѣнія, галлюцинаціи, сомнамбулизмъ, гипнотизмъ, иллюзіи, Ц. 1 р. 10) **Первобытные люди.** *Дебъера.* Со многими рис. Ц. 1 р. 11) **Законы подражанія.** *Тарда.* Ц. 1 р. 50 к.; 12) **Геніальность и помѣшательство.** *Ц. Ломброзо.* Съ портр. автора и нѣсколькими рис 2-е изд. Ц. 1 р. 13) **Общедоступная астрономія.** *К. Фламмаріона.* Съ 100 рис. 2-е изд. Ц. 1 р. 14) **Гигіена семьи.** *Гебера.* Ц 50 к 15) **Бактеріи и ихъ роль въ жизни человѣка** *Мигулы.* Съ 35 рис. Ц. 1 р.